

Юрий
Темирбулат-Самойлов

МИГРАНТЫ СЕТЕВИКИ

Юрий Темирбулат-Самойлов

Мигранты. Сетевики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69172537

SelfPub; 2023

Аннотация

Опохмеляться водкой, чтобы с сивушным запахом и вряд ли менее обрюзглой, чем без таковой опохмелки, физиономией явиться на работу, Антон счёл бы преступлением. Он должен не позднее чем через пару часов сидеть в своём руководящем кресле и выглядеть как огурчик – бодрым, жизнерадостным и преуспевающим. И никаких тебе нереспектабельных запахов. Ни-ни!.. Жеванём-ка, лучше, сразу после цитрамончика листик-другой лаврушечки, затем, между делом, в ходе посильной с перепоя физической разминки – парочку хороших мятных сосательных пилюль, потом, во время утренних водных процедур, почистим зубки и прополощем глотку ещё более мятным, чем сосательные пилюльки, терпким эликсирчиком, после чего сыпанём в рот пару десятиграммовых пакетиков энергетически богатого, суперпитательного чудо-продукта НьюПлас (спасибо его изобретателю – величайшему китайско-американскому травнику доктору Ли) и, грамотно-дозированно опрыснувшись дорогим благородным парфюмом – в бой!

Содержание

Юрий Темирбулат- Самойлов

Мигранты. Сетевики

Антон Дроботов с трудом раскрыл глаза и, сжимая обеими руками буквально раскалывающуюся на куски голову, тяжело поднялся с постели. Шатаясь, побрёл на кухню проглотить для начала пару таблеток простейшего цитрамона.

Опохмеляться водкой, чтобы с сивушным запахом и вряд ли менее обрюзгой, чем без таковой опохмелки, физиономией явиться на работу, Антон счёл бы преступлением. Он должен не позднее чем через пару часов сидеть в своём руководящем кресле и выглядеть как огурчик – бодрым, жизнерадостным и преуспевающим. И никаких тебе нереспектабельных запахов. Ни-ни!.. Жеванём-ка, лучше, сразу после цитрамончика листик-другой лаврушечки, затем, между делом, в ходе посильной с перепою физической разминки – парочку хороших мятных сосательных пилюль, потом, во время утренних водных процедур, почистим зубки и прополощем глотку ещё более мятным, чем сосательные пилюльки, терпким эликсирчиком, после чего сыпанём в рот пару десятиграммовых пакетиков энергетически богатого, суперпитательного чудо-продукта НьюПлас (спасибо его изобретателю – величайшему китайско-американскому травнику доктору

Ли) и, грамотно-дозированно опрыснувшись дорогим благородным парфюмом – в бой! Пусть покой нам только снится тёмными ночами в нежных – ничего, что зачастую в притворно-нежных, но, во всяком случае, вполне живых и активных – объятиях подопечных простушек-провинциалок, ищущих счастья в столице, в том числе и в сетевых структурах, подобных той, что возглавляет сейчас в числе нескольких прочих лидеров Антон.

Справедливости ради грех не отметить: Дроботов ни в какой мере не был не то что злостным алкоголиком, но даже и безобидно-бытовым пьяницей, и выпивку допускал, особенно обосновавшись в Москве, очень редко, лишь в моменты крайней усталости. Судите сами: до проклятущей ли жидкости умственно не отсталому человеку, когда удача в виде хрустящих купюр попёрла прямо-таки недуром. По несколько тысяч баксов в день! Вот они, плоды терпения и целеустремлённости, результаты немалых лишений и полной самоотдачи последних лет.

Эх, если бы ещё все эти денежки да в карман свой собственный! Увы, однако... Москва есть Москва. Ну, какое ей дело до антоновых долгов под сотню тысяч «гринов», до его земляков-бандитов, которые, не дай Бог, раньше чем надо унюхают, что он, скрываясь от расплаты за пусть даже и непреднамеренное, но всё же, факт есть факт, совершённое им в отношении их «общака» «кидалово» на эту сумму, нашёл способ хорошо зацепиться в столице, и сумел так удач-

но раскрутиться в денежном плане? Какое дело пресыщенному и самодовольному мегаполису до оставшихся пока дома жены и детей Дроботова, трясущихся от страха при виде каждой дорогой машины-иномарки с крепкими, коротко стриженными парнями внутри, ненароком заехавшей в их городишко или просто проезжающей мимо по Московскому шоссе? И какое вообще дело благополучному, разжиревшему сверхгороду до миллионов ринувшихся без всякого приглашения в его лоно таких банкротов как ты, хотя и ставших банкротами в немалой степени по вине этого города? Даже большей частью по его вине. Верно, абсолютно никакого. Так что, если Москва и соблаговолит помочь тебе решить твои проблемы, то только на коммерческой, как она уже давно привыкла, основе, за деньги. За хорошие деньги, дорого. Твои другие персональные пожертвования вроде ума, здоровья, энергии и времени ей, в силу избыточного предложения, мало интересны. Поэтому и платит она за такие пожертвования очень и очень скудно. Если вообще соглашается платить. Знаешь, сколько тут понаехало таких как ты?

А вот если б ты прибыл сюда откуда угодно, хоть с каторги или даже из самого ада, но не с коробом проблем, а с хорошей кубышкой... произошло бы примерно то, что бывает в подобных случаях едва ли не в любой столице мира.

Для начала гостеприимная Москва с великим радушием распахнула бы пред тобою двери самых уютных городских апартаментов для постоянного проживания и загород-

ной недвижимости для уик-энда, или по-простому, по-русски – воскресного отдыха. В собственность или в аренду – это уже как тебе, плательщику, угодно-с. Затем Москва деловая предложила бы для продуктивной работы, тоже в собственность или в аренду за соответствующие денежки, комфортабельные и хорошо оснащённые офисные помещения в престижнейших кварталах, отрекламировала и «пропиарила» лично тебя и твою деятельность в популярнейших средствах массовой информации – как в газетах-журналах, так и на радио-телевидении, а также предоставила бы для ораторских упражнений трибуны солидных конференций и форумов вплоть до международных. Москва научная, опять, естественно, незадаром, проконсультировала бы тебя на какие твоей душе заблагорассудится, даже наисложнейшие, возможно засекреченные темы по любым направлениям человеческой деятельности. Москва коммерческая продала бы тебе, хочешь сразу, а хочешь в кредит, или сдала в аренду по твёрдой таксе для удобной и приятной транспортировки по городу твоего драгоценного тела роскошнейшее авто на любой вкус. Москва юридическая, в полном соответствии с уровнем твоей платежеспособности, грамотно, квалифицированно и надёжно защитила б твои интересы в какой угодно инстанции, даже если ты тысячу раз неправ. Москва криминальная... если не ограбила бы сразу или не «кинула» на каком-то хитро закрученном, якобы сверхдоходном коммерческом предложении и ты умудрился как-то уцелеть со своей

кучей денег, предложила бы тебе не менее дорогостоящую, чем платная помощь столичных юристов, «крышу», то есть посильную физическую и прочую защиту от опустошительных «наездов» других подобных крыш. Как правило, с долей в твоём бизнесе. И – с мало предсказуемыми вытекающими отсюда последствиями.

Москва... как разносторонне и многогранно её гостеприимство для людей материально состоятельных, кои составляют мизерную в процентном отношении часть огромного народа, стольным градом которого она является! Одним словом, предстала бы златоглавая пред тобою, богатым и счастливым (если мирное сосуществование богатства и счастья вообще возможно на этой планете), во всей красе.

А ежели ты богат не изначально? Если ты, как Антон Дроботов, чудом избежав гибели от бандитских рук в каком-нибудь своём зауральском захолустье, и после некоторых мытарств по бескрайним просторам и одинаково негостеприимным для неудачника региональным центрам России появившись в её более процветающей, чем все эти региональные центры вместе взятые, столице всего с несколькими тысячами, а то и сотнями рублей в кармане, выкарабкался на нынешний уровень путём невероятных усилий буквально со дна жизни, и до сих пор ещё не вкусил всех благ успешного предпринимательства? Неужели благополучная, безмерно удивляющая нынче весь мир фантастическим, уму этого

мира не постижимым, регулярным умножением численности супербогатых своих избранных горожан Москва не даст тебе никаких скидок, никакой форы, и все зарабатываемые сейчас тобою деньги безжалостно и неумолимо заберёт, заглотив в своё извечно ненасытное, несмотря на извечную же (за исключением, пожалуй, не так уж и многочисленных периодов военных катаклизмов) сверхсытость, чрево?

Не обольщайся и не фантазируй, Антон, не даст. Ни скидок, ни поблажек, ни форы. Даже с учётом твоей бизнес-успешности в последнее время. Хочешь зарабатывать – терпи издержки. Хочешь зарабатывать по-крупномосковски – и издержки тогда терпи именно такие, крупномосковские. До тех пор, пока не попадёшь (что маловероятно – чудеса редки на этом свете) в круг тех самых избранных...

Так что, дорогой господин новый буржуин Дроботов, в свой собственный карман хорошие свободные денежки ты ещё не скоро положишь. Сначала, как миленький, оплатишь дорогостоящую аренду своего представительского офиса. Затем рассчитаешься со всеми задействованными светскими журналами и некоторыми газетами за размещение твоей не менее дорогостоящей рекламы. После этого купишь, в том числе и частично в долг, необходимый товар (или сырьё) для работы. И будешь вкалывать если не круглосуточно, то, как минимум, до седьмого пота. И так до тех пор, пока твои реальные регулярные доходы не превысят текущих расходов. Только тогда ты, сведя, наконец, дебет с кре-

дитом и рассчитавшись с долгами, облегчённо вздохнешь. Сможешь расслабиться по-настоящему, а не как минувшей ночью в компании с начинающими дистрибьюторами – полуголодными эмигрантками из лютого «эсэнгэшного» захолустья под несколько бутылок водки вперемишку с пивом. Хотя девчоночки-то сами по себе неплохие, но в силу своего ничтожного статуса они явно не добавляют тебе респектабельности. И, уже будучи «без базара» чистым перед теми зауральскими бандюганами – кредиторами по самому опасному «долгу чести», вызволишь в Москву семью. Купишь квартиру и станешь, наконец-то, полноценным москвичом с постоянной регистрацией во всех обязательных государственных и не совсем, может, обязательных, но тоже заслуживающих внимания и уважения прочих базах данных – от паспортно-визовой службы и госавтоинспекции до таких, как добровольное общество охотников и рыболовов, общество собаководов-любителей и так далее... А там – «крутая» иномарка, элитный коттедж за городом и прочие атрибуты красивой жизни.

Но, хотя всё это, судя по ходу событий уже, можно сказать, predetermined, как, всё-таки, жалко, пропуская через собственные руки ежедневно тысячи долларов неучтённого дохода, не иметь сегодня с этих денег почти ничего для себя лично! Обидно. Досадно. А потерпеть, хочешь, не хочешь, придётся. Упускать такой момент – грех. Обороты растут день

ото дня чуть не в геометрической прогрессии: очереди клиентские – как в голодный год за хлебом. Не профукай улыбку фортуны, сгруппируйся, получи результат, и ты – на коне!

Да-а, удачно, что ни говори, выбрал он новую нишу в таком несерьёзном на первый взгляд бизнесе, как так называемая древнекитайская медицина – «элитно»-похудальческую. Гербалайфовская натаска прошлых лет крепко помогла. Вопреки пессимистичным прогнозам скептиков из числа бывших товарищей по цеху, это новое дело пошло. И как пошло! Отошедшие вначале из осторожности в сторону и ретировавшиеся в «родные пенаты» уже необратимо скомпрометированного диким русским перестроечным бизнесом «Гербалайфа», теперь потихоньку возвращаются. Но, по их же собственному недомыслию, запоздало: руководящее кресло в новой структуре, хотя и в чисто номинальном сопредседательстве кое с кем из ему подобных, как и передовые позиции в новоизобретённом бизнесе в целом, уже прочно занято Антоном Дроботовым, и всем остальным претендентам должности и позиции достанутся теперь только по остаточному принципу.

Правда, наряду с бурным развитием структуры и не менее бурным ростом её финансовых оборотов, с поступательным превалированием их доходной части над расходной, необратимо растёт и степень риска. Пока что не распознавший всей прибыльности данного бизнеса столичный криминалитет ра-

но или поздно спохватится и явится на переговоры, для начала, как водится, условно-мирные. Так не стоит ли заблаговременно обзавестись «крышей», и работать спокойно, отдавая ей часть прибыли? Нет! Наверное, лучше до поры до времени воздержаться. Зачем, покуда никто ничего не требует, швыряться деньгами, таким трудом зарабатываемыми? Давайте-ка, как умные люди, решать проблемы по мере их поступления, а не забегать поперёд паровоза.

Ну, вот и «Цветной бульвар» объявили. Приехали. За работу, Антон Романович!

II

За столом президиума на небольшой сцене довольно вместительного актового зала, с видом благополучнейших из смертных восседали трое мужчин в белоснежных летних рубашках. Сквозь нагрудный карман каждого из троих явственно просвечивала сложенная пополам полупачечка сто-долларовых купюр.

В первом ряду зала, также уверенно изображая довольных жизнью людей, расположились в раскованных позах несколько человек актива – авангардной, достигшей наивысших коммерческих успехов части трудового коллектива заведения, золочёная вывеска на фасаде у парадного входа в которое гласила крупными, похожими на иероглифы буквами: «Салон восточной медицины». И ниже – обычным печатным шрифтом помельче: «Забудь недуги, всяк сюда вхо-

дядий! Манускрипты древнего Китая и лучшие, международного класса специалисты по их практическому применению помогут вам вновь и навсегда обрести стройность фигуры, свежесть кожи и прекрасное самочувствие».

Остальная часть помещения была до отказа заполнена разношерстной публикой, которую в подавляющем её большинстве любой коренной москвич безошибочно определил бы как приезжих. Это и в самом деле были «гости столицы», нахлынувшие сюда со всех концов России и, наверное, из всех бывших братских республик бывшего Советского Союза, а ныне «стран ближнего зарубежья» в поисках хоть какой-то работы и завлечённые на данное сборище, солидно афишируемое как «презентация неограниченных возможностей», многочисленными газетными объявлениями, обещающими для людей активных и целеустремлённых невероятные в провинции, но реальные в столице заработки, измеряемые сотнями и тысячами долларов в один приём. А число приёмов в день, неделю, месяц, согласно уже устным заверениям организаторов подобных презентаций, зависит лишь от опыта и расторопности будущего функционера рекрутирующей структуры.

Привычно-изучающе оглядев зал, приятной внешности подтянутый

приветливый мужчина, сидящий в центре импровизированного президиума, взял слово:

– Господа!

Зал замер. Десятки пар ушей застыли в позиции «наизготовку», и столько же пар глаз сосредоточили своё внимание на полупрозрачном кармане рубашки оратора: сколько же, чёрт побери, сотен, а то и тысяч долларов тот запросто носит с собой, имея полную возможность купить в любом магазине всё, что приглянулось, или поесть-попить в любом ресторане что вздумается? Вряд ли обладателю такого кармана при изучении ресторанного меню приходится возмущённо восклицать «Однако!» вроде незабвенного Кисы Воробьянинова из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Одной-двух, ну, трёх-четырёх покоящихся в этом кармане купюр хватило бы, наверное, на изысканнейший ужин. А пяти-шести, максимум десяти-пятнадцати, в крайнем уж случае двадцати-тридцати – практически на любую шмотку-одежду или аксессуарный прибабас в любом универмаге, включая великие ГУМ и ЦУМ.

– Для начала, – уверенно ораторствовал уже немного знакомый нам Антон Дроботов, – небезынтересно, думаю, всем здесь будет выслушать вкратце одну-другую истории успеха. Успеха не фантастического, а самого что ни на есть реального, доступного и любому из вас, если захотите. В среднем всего несколько месяцев назад все, например, сидящие вот здесь, в первом ряду, приехали в Москву, по образному выражению, с дыркой в кармане. А теперь... поворот в их судьбе можно было бы назвать сказкой, если б это не было собственноручно ими сотворённой настоящей быльё, то

есть сегодняшней действительностью. Не стесняйтесь, выберите наугад любого из них. На которого укажете, тот и исповедуется! Ну, с кого начнём?

Зал, хотя и немного уже заинтригованный, заметной активности пока не проявлял, в полном составе молча демонстрируя скромную нерешительность.

– Может, Дмитрий Разуменчиков? – Антон Дроботов с улыбкой кивнул в сторону одного из флангов первого ряда.

На сцену тут же бодро запрыгнул молодежавый мужчина типично славянской наружности. Деланно-смущённо прокашлявшись и положив руку на сердце, то есть притронувшись ладонью к левой стороне груди, мужчина начал свою проникновенную, но, на взгляд профессионального или хотя бы просто неглупого наблюдателя, явно заученную исповедь:

– Хотите – верьте, хотите – нет! Но примерно около полугода назад я, работавший в то время водителем городского маршрутного такси, гулял как-то с маленькой дочерью по улицам своего белорусского городка. В одной из сверкающих огнями магазинных витрин дочь вдруг увидела красивую куклу, и капризно захныкала: «Папа, купи!»

Мне очень хотелось сделать ребёнку подарок. Но, к величайшему моему стыду, денег в моем кошельке было разве что на трусики этой куклы. Ну, что такое зарплата скромного водителя маршрутки при современных-то ценах? Даже с учётом того, что зарплата эта раньше, в советские времена, считалась

далеко не низкой.

В великом расстройстве после этого случая я не спал несколько ночей подряд. Вся моя честно прожитая жизнь прошла перед глазами как грустный многосерийный фильм. И большинство кадров этого фильма за такими небольшими исключениями, как, например, свадьба, рождение дочки, оказались чёрно-белыми. Добросовестная учёба в школе, потом на предармейских шоферских курсах, добросовестная служба в армии, добросовестная многолетняя работа за рулём... а куклу дитю своему малому купить, увы, не в состоянии. Простенькую-то не проблема, а вот настоящую фирменную импортную Барби!..

И в один прекрасный, как оказалось, день в мозгах моих вдруг что-то такое скантачило, а в душе раскрепостилось. Спустя какое-то время я понял – то был миг прозрения, а тогда... чисто интуитивно, ни минуты не раздумывая собрал я в чемодан минимум необходимых вещей и рванул в Москву, ещё толком не представляя, в какую из трудовых сфер в ней окунусь, и надолго ли. Одно мне было ясно как день – пока я ещё способен мыслить и более-менее здоров телом, я просто обязан сделать так, чтобы моя любимая дочь не чувствовала себя изгоем в этом мире и никогда впредь не была ущемлённой по сравнению со своими сверстниками, чтобы она в любой момент могла получить в подарок от отца любую куклу, какую только пожелает. Но, чтобы сегодняшней подарок не принёс безвинному человечку в будущей его жизни ника-

ких несчастий, он должен быть приобретён исключительно на честно заработанные деньги.

В Москве с такой денежной, но честной работой мне повезло не вдруг. День за днём бродил я по городу, читал все подряд объявления, расклеенные на остановках городского транспорта. Перелистывал кипы рекламных газет. Сунулся в одну организацию, другую, третью, но ни одна из них мне не приглянулась. То сразу вызывал сомнения малопонятный род деятельности так называемой фирмы, то – ещё менее понятная система оплаты труда, ничего не гарантирующая даже при высочайшей твоей результативности...

И вот, когда денег в моих карманах оставалось, как говорил герой известного произведения Аркадия Гайдара¹ «Мальчиш-Кибальчиш», только чтоб день простоять да ночь продержаться, попалось мне на глаза неброское, но сразу притянувшее внимание объявление: «Кто сильно хочет, тот сможет. Интересная солидная работа с заработком, после экспресс-обучения с одновременной практической стажировкой, от двух тысяч долларов в месяц. Реально». Позвонил я по указанному телефону и был приглашён на беседу в офис по тому самому адресу, где мы с вами сейчас находимся...

Теперь, через какие-то месяцы моей работы здесь, я способен не только купить своей любимой дочери в любой мо-

¹ *Аркадий Петрович Гайдар (1904-1941 гг., наст. фамилия Голиков)* – известный советский писатель, создавший ряд высокопатриотичных художественных произведений в основном с главными героями детско-юношеского возраста, на которых воспитано не одно поколение преданных стране людей

мент любую куклу, а и смело вступить в переговоры о покупке всего магазина, где продавалась та самая Барби, которая перевернула мою жизнь. А заодно могу похвастаться, что попутно с таким повышением моего благосостояния, о каком раньше и мечтать не смел, я поправил, без преувеличения, до уровня космонавта своё здоровье. Вы спросите – каким образом? Отвечу: не чем иным, как препаратами и методиками ставшей мне вторым домом этой вот фирмы – «Салона восточной медицины».

– А у меня, – на сцену ещё бодрее, чем бывший водитель маршрутного такси, вскочила непонятно отчего такая радостная, с сильно увеличенными то ли от возбуждения, то ли ещё от чего-то зрачками восторженно поглощающих окружающий мир широко распахнутых блестящих глаз, обрамлённых неимоверно длинными, изящно загнутыми махровыми ресницами и с пышно взбитой причёской «а-ля Алла Пугачёва»² молодая, лет двадцати пяти (хотя, с таким же успехом ей можно было дать и тридцать, а то, хорошо приглядевшись, и все сорок) особа в глубоком декольте, мини-юбке и с более-менее успешно претендующими на стройность, совсем чуть-чуть полноватыми ногами, втиснутыми ступнями в крошечные «золушкины» размером, но на максимально возможной «подиумной» высоты каблуках туфельки, – вот

² Пугачёва Алла Борисовна (род. в 1949 г.) – культовая советская и российская эстрадная певица 1970-х – 1990-х годов XX века, Народная артистка СССР (1991), Лауреат Гос. премии РФ (1995)

лично у меня совсем недавно, меньше года назад, начиналась страшная лучевая болезнь. Это было ужасно. Волосы на голове выпадали клочьями – грозило полное облысение.

Зал внимал оказавшей на него должное впечатление ораторше с немым благоговением. В паузах между фразами, вдохновенно льющимися из густо намазанного алой помадой её пухлогубого ротика воцарялась такая тишина, что в ней явственно слышно было даже раздражённо жужжащую, бьющуюся в оконное стекло муху.

– На этих самых руках, – особа не без гордости продемонстрировала публике ухоженные кисти белых рук сплошь в массивных перстнях и браслетах, с ярко окрашенными ногтями, своею завораживающей глаз поистине вурдалакской длиной мало уступавшими высоте её каблуков, – ноготки мои, с такой любовью и тщательностью всегда обрабатываемые, начали сильно трескаться и отшелушиваться, угрожая, как и волосы, повываждать один за другим.

Тишина в зале ещё более напряглась. Жужжавшая со стороны окна муха тоже затихла, как бы демонстрируя свою солидарность с остальными затаившими дыхание слушателями душещипательной истории.

– И я, и вся моя семья, – трагично вещал со сцены нежный голос, – были в отчаянии. После множества безуспешных попыток лучших специалистов нашего хвалёного Минздрава, а затем и широко рекламирующихся знахарей да экстрасенсов помочь мне, муж мой благоверный от безысход-

ности пристрастился к алкоголю. Тяжесть момента усугубил ещё и несчастный случай – в результате моего страшного заболевания и нервных переживаний мы потеряли не родившегося ребёнка, которого я вынашивала под сердцем, то есть у меня произошёл выкидыш – самопроизвольный аборт. Ну, многие поймут и моего мужа, и меня, не сумевшую в ту пору удержать его от пагубного пристрастия: в таких ситуациях есть от чего потерять не только самообладание, но и, упаси Господь, рассудок.

– И вот... – торжествующе окинув сияющим взглядом зал, страдалица в мини-юбке надрывно вздохнула всей рвущейся из декольте наружу немаленькой грудью. – Слава тебе, Господи!.. Весь этот кошмар позади. Любой из вас может подняться сюда на сцену и вплотную собственными глазами, а если кто глазам не поверит, то собственноручно убедиться, что нынешние мои волосы, как и ногти – самые-самые настоящие, такие же живые и естественные, как мы с вами. Пожалуйста, не стесняйтесь!

Одна из группы стоявших у входной двери женщин выраженной сельской наружности, которым сидячих мест в зале, из-за его переполненности, не хватило, подмигнула своим товаркам³:

– Пойти, что ль, подёргать эту пигалицу за фальшивые патлы да за когти, а заодно и пощипать телеса её бесстыжие? А вдруг, да отвалится что-нибудь людям на потеху!

³ Товарки – подружки (простонародн. выражение)

– Брось, Тоська! Не пачкай рук, – мощно зевнула в ответ вторая. – Я вчера эту кулёму в Сокольниках на открытой эстраде видела. Примерно то же самое ещё большей толпе, чем тут, заливала. Хрень всё это для такой темноты, как мы. Заманют в афёру, выбирайся потом...

– Точно, Лександра, – поддержала вторую третья. – По всей Москве каждый день сейчас такие же, как эта, как их, презентации идут. Туманют людям головы, зазывают в «гербалайфы» всякие, сговаривают чёрт-те чем заниматься навроде продаж из-под полы непонятных заморских таблеток от ожирения, да расклейкой рекламных листов по городу. Наживаются на простаках. А потом через какое-то время дают полный отлуп, от ворот поворот – объявляют, что, дескать, ни хрена ты, голубушка, не заработала, до свидания. Ауфвидерзеен, гудбай по ненашенски! А куда пойдёшь жалиться, если никак тебя на работу не оформляли, трудовую не брали, твёрдого окладу не устанавливали? Вон, Танька с Манькой с соседней деревни подались в Москву, соблазнились на посулы таких вот гербалайфщиков, как эта канарейка с прилепленными когтями и в парике идиотском, а когда припёрло, денежки кончились и жрать стало не на что, пришлось на кусок хлеба да на обратные билеты до дому бабьим местом зарабатывать. Хорошо, эти хоть вернулись, а то многие так в борделях да притонах разных и оседают. Одна из тыщи, может, и выбивается как-то в люди, кто через замужество удачное, кто по иному через благодетеля какого, а

остальные...

– Так, то ж девки молоденькие, неразумные...

– А мы, ежели взрослые да разумные, какого тогда рожна здесь торчим, время теряем? Пойдём-ка, девчат, на рынок какой-нибудь овощами-фруктами торговать. Дело знакомое. Заработок не слишком большой, зато верный и регулярный. Глядишь, и подкопим деньжат, чтоб было с чем без стыда-позору домой вертаться.

– Это, девоньки, как мужик наш деревенский. Какой-никакой, но верный

и, главное, регулярный, ха-ха!

– Правильно, а куда тратится наш любезный не шибко, а по чуть-чуть, то и хватает его надолго, х-хы-ы...

– Тьфу на вас! Развеселились незнамо над чем... Чему тут радоваться-

то? Пошли отсюда.

Ведущий презентацию Антон Дроботов, проводив нарочито недоуменным взглядом демонстративно покинувших зал простоватых с виду женщин, могущих спровоцировать своим уходом дальнейший непредсказуемый и весьма нежелательный отток публики, уже имея кое-какой опыт исправления подобных казусов, не растерялся. Наоборот – не преминул обратить этот не столько эксцесс, сколько его мелкое подобие в свою пользу. И возможный конфуз был легко, даже играючи, аннулирован на корню:

– Вот видите, господа, сейчас по своей недостаточной жизненной ориентированности ушли отсюда, много, между прочим, потеряв, женщины. Ушли, скорее всего, потому, что в отличие от многих здесь присутствующих они вряд ли все-рьёз хотят улучшить свою жизнь. Их смиренно устраивает малое. А если в глубине души и не совсем устраивает, то для достижения чего-то большего у них просто не хватает воли, нет достаточно мотивированного стремления. Это люди явно примитивного труда, привыкшие перебиваться с копейки на копейку. Естественно, им проще найти какую-то неприятательную работёнку и в Москве. При стабильном, но всё же, по большому счёту, унижительном заработке. Хотя мизерная по московским меркам зарплата в их мало чего хорошего видевших глазах может выглядеть и неплохо. По сравнению-то с колхозной... Жаль их, от души жаль. Преодолеть неблизкий и недешёвый путь из глубинки в столицу... а ради чего? Ну, пойдут они на рынок, ну – в уборщицы, в коммуналку тротуары мести за гроши. И что? А вот побыли бы здесь сейчас до конца – убедились бы, что у нас даже расклейщик листовок, если не лодырь и не дурак, имеет больше, чем их председатель колхоза, или как они там теперь называются – генеральный директор или даже президент ОАО, ЗАО, ООО⁴ «Агрофирма такая-то»... ну, неважно. Каким

⁴ Виды предприятий частной или смешанной (напр. частно-государственная) форм собственности: ОАО – открытое акционерное общество; ЗАО – закрытое акционерное общество; ООО – общество с ограниченной ответственностью.

образом имеет? Вот

об этом-то речь – впереди. А пока что, Оленька, продолжайте!

Экзальтированная обладательница сногшибательных внешних данных и не менее сногшибательного жизненного опыта, на несколько минут не без труда, исключительно из уважения к незапланированно заговорившему из-за ушедших тёток Дроботову прервавшись, тут же с ничуть не убавившимся вдохновением продолжила своё блистательное выступление:

– Я заакцентировалась, кажется, на словах «Слава Тебе, Господи!» и готова повторять эти слова бесконечно. Слава Тебе, Господи, что подарил Ты мне встречу и знакомство с такими замечательными людьми, как доктор Дроботов и его коллеги! Эти люди вернули меня и мою семью к жизни. Причём, по двум важнейшим моментам.

Во-первых: я теперь здорова! Чудодейственные препараты и методики, возрождённые великим китайским наследным доктором Ли благодаря расшифрованным им манускриптам пятитысячелетней давности сделали своё доброе дело. О них вам подробнее и интереснее расскажут более опытные и квалифицированные специалисты, а я скажу только, что в нашей стране идеи доктора Ли успешно распространяет тот самый салон восточной медицины, в помещении которого мы с вами сейчас находимся, и плодотворно трудится на одном из главных руководящих постов кото-

рого вот этот необычайно талантливый, благородный, обаятельный, да и просто бесподобный человек – Антон Дроботов. Если бы вы только знали, сколько людей уже исцелено здесь от неизлечимых вроде бы болезней! А сколько просто похорошело и омолодилось, навсегда сбросив лишний вес!

Ну, а во-вторых... я теперь богата! Пройдя лично через страшную болезнь и чудесное исцеление, я с чистой совестью и знанием дела широко пропагандирую истины, постигнутые мною здесь, в этом салоне. И зарабатываю при этом та-а-кие деньги...

А мой муж, сидящий вот тут в первом ряду в шикарном смокинге с золотистым отливом? Разве можно узнать в этом холёном, солидном джентльмене человека, всего год назад спивавшегося из-за семейных несчастий и неурядиц! А ведь, не так уж и много надо было для того, чтобы такие радикальные изменения наступили: всего-навсего знакомство с этим уникальным во всех смыслах поистине Домом красоты и здоровья...

Да, о деньгах... мы с мужем сегодня действительно богаты. С удовольствием поделюсь очередной семейной радостью: сразу после этой презентации мы идём в автосалон покупать новую машину. И, не какую попадая, а самый настоящий «Мерседес»!

В этой связи поясню, что приобретение такой дорогушей «игрушки» реально и для любого из вас в самом недалёком будущем. Стоит только сильно захотеть этого, и вникнуть по-

лучше в суть дела. Ведь доктор Ли, кроме непревзойдённых познаний в древнекитайской медицине, обладает ещё и выдающимся талантом маркетолога. И маркетолог он, доложу я вам, поистине мирового уровня. Его бизнес-план и маркетинговые программы не имеют себе равных. Так что, заключив с нашей фирмой контракт всего лишь за сорок скромных долларов, любой из вас, благодаря этим программам, делая благое дело, помогая людям становиться здоровее и моложе, имеет прекрасную возможность повседневного и неуклонного повышения своего благосостояния невероятными по сравнению с любым другим бизнесом темпами. Сама бы не поверила, если б лично не убедилась в этом.

А теперь спасибо за внимание, и разрешите мне вернуть эстафету организатору этой презентации, удивительнейшему целителю тел и душ человеческих, почётному члену международной академии восточной медицины, магистру биоэнергетических наук, доктору Дроботову Антону Романовичу. Поаплодируем, господа! А я, с вашего позволения, пообщаюсь со своим горячо любимым мужем на тему предстоящей приятной покупки. «Мерседес» – это всё-таки классно!

Ш

Антон, доброжелательно оглядывая зал, с благосклонным достоинством переживал где-то хлипкие, но в некоторых точках зала, особенно от первого ряда, и бурные продолжительные, как в лучших тради-

циях партийных съездов советских времён, аплодисменты. Будучи уже не только опытным практически, но и неплохо подготовленным теоретически оратором, специально изучавшим для пользы дела методику подготовки к устным выступлениям аж самого Ленина, он с быстротой высокоточного электронного прицельного прибора высматривал в массе присутствующих одно-два неглупых лица, за которые надо бы зацепиться во время своей предстоящей речи взглядом и на которых лучше всего сосредоточить силу своего слова. Встреча взглядами с такими лицами даёт ощущение живого разговора, активного диалога с аудиторией.

И – нашёл, как ему показалось, удачнее некуда. В дальнем углу зала, в заднем ряду, с неподдельным интересом наблюдая за происходящим, сидели и время от времени перебрывались репликами трое, по всей видимости только что познакомившихся друг с другом, мужчин. Были они примерно одного возраста – чуть за сорок, от силы сорок пять. Как минимум – с высшим образованием, а, судя по видному и невооружённому глазом бесспорно их более высокому, чем у большинства окружающих, интеллекту, такой же безусловной интеллигентности в манерах, особенно у двоих с лёгкой проседью шатенов (третий был более жёсткий во взгляде и менее раскованный в движениях плечистый жгучий брюнет), и вполне возможно – с учёными степенями. А что? Перестройка с её капитализацией не только экономики, а и науки-техники своё дело сделала – из тёплых уютных кабин-

тов, институтско-университетских аудиторий и научно-исследовательских, конструкторских бюро и лабораторий выброшено на улицу столько кандидатов и даже докторов наук! Ведь, встретился же Антону на днях совершенно случайно один его знакомый ещё по прошлой, доперестроечной жизни – профессор, в своё время участвовавший в уникальных военно-технических разработках в авиакосмической отрасли, а ныне скромно торгующий мужскими носками и прочим дешёвым тряпьем в подземном пешеходном переходе. Да чего далеко ходить? Сам-то ты, Дроботов, откуда? Без пяти минут выпускник военной академии, чуть-чуть не дотянувший до майора капитан ракетных войск стратегического назначения, командовавший когда-то, и неплохо командовавший, между прочим, секретнейшими боевыми расчётами и подразделениями, содержащими в безупречной боеспособности тот самый щит Родины, на который, по большому счёту, только и осталось теперь уповать раздербаненной до дальше некуда сильнейшей когда-то в мире армии. Вчера боевой офицер, а сегодня рядящийся в тогу экстра-целителя фальш-академик, шарлатан одним словом. В денежном отношении, правда, куда более успешный, чем тот профессор-носочник, но по сути такой же теперь никто, и звать тебя никак.

Кстати, профессора этого не мешало бы как-нибудь позвать в гости. Нет, не на подобную происходящей в настоящий момент презентацию, такой приём был бы не очень

уместным в отношении личности академического уровня. А – по-свойски, в гости к себе домой, пусть и на съёмную пока, но приличную квартиру. Или – в ресторан. Пообщаться, поговорить по душам «за рюмкой чая», рассказать немного о себе, порасспросить о его нынешнем житье-бытье. Вскользь, как бы между прочим, сравнить его и свои доходы на сегодняшний день. Постараться потоньше обыграть то немало-важное обстоятельство, что бизнес Дроботова, при всей его высокой доходности, не менее честен и порядочен, нежели уличная торговля дешёвыми носками. А там уже само собой, логично и естественно приглашение забежать в свободную минутку в офис, который расположен очень удобно – в трёх минутах ходьбы от станции метро в одном из популярнейших центральных районов города. Ну, а остальное – дело техники... Да-а, такая фигура не лишней оказалась бы в салоне для работы с клиентурой. Хотя, и без этого профессора сегодняшний урожай на приличных рекрутов обещает быть неплохим. Если, конечно, презентация закончится так же благополучно, как и начиналась.

Ну, ладно, Антоха, молчаливая пауза перед выплеском ударной

гвоздевой речи – штука, конечно, полезная с точки зрения науки о риторическом мастерстве. И, верно рассчитанная по длительности, она вносит в момент ожидания публикой первой фразы приготовившегося пленять её своим красноречием оратора некую интригующую нотку. Но, стоит ора-

тору чуть переборщить, затянуть предваряющую речь паузу – велик риск попортить дело. Ведь успех выступления в целом чаще всего произведен от удачного или неудачного его зачина. И лучший, конечно же, сигнал к атаке на благосклонность внемлющей тебе аудитории – начало затухания аплодисментов, звучащих как реакция на объявление имени выступающего. Так что, Дроботов, отмеренные тебе на осмысление ситуации секунды истекли, полный вперед!..

– Итак, уважаемые гости, а в ближайшем будущем, надеюсь, и наши коллеги, – не желая повтора досадных сбоев успешного почти по всем параметрам хода мероприятия из-за глупости ещё какой-нибудь деревенщины вроде только что гордо удалившихся бабёнок, Антон решил на этот раз скорректировать обычную тактику: не тратить время на многословные вступительно-ознакомительные речи о теории и истории бизнеса, оставив их на потом, а с ходу брать быка за рога, – позвольте задать вам неожиданный на первый взгляд, но злободневный и важный, как вы сами тут же убедитесь, вопрос.

– Разрешаем! – солидно-добродушно изрекли в один голос с задних рядов как раз те трое великовозрастных слушателей, на которых сразу, с самого начала мероприятия обратил внимание Дроботов, и на которых он безошибочно, как подтверждала сейчас их весёлая живая активность, сделал ставку в качестве «центровых» сегодняшней аудитории.

– Ну, если разрешаете... – улыбнулся он и поднялся из-за

стола, вышел немного вперёд, поближе к публике.

Публика застыла в ожидании.

– Может ли кто-нибудь из присутствующих показать прямо сейчас, не выходя из этого помещения, – Антон задорно обвёл взглядом зал, – ну,

скажем, десять тысяч долларов наличными?

Аудитория дружно молчала, настороженно-заинтересованно гадая, к чему бы это вдруг возник такой вопрос...

– Не бойтесь, вас не ограбят, в стенах нашего заведения любой гость в полной безопасности!

– А после презентации? – раздался несколько натушный в интонации, с оттенком недоверия мужской голос. – Может, среди нас наводчик какойнибудь замаскировался под обычного посетителя? И по сотовому телефону подельников своих сразу же, как начнём расходиться, полностью осведомит о конкретном внешнем виде самого денежного из нас.

– Ну-у... – немного растерялся Антон, – вообще-то, между нами говоря, с такой хлещущей через край подозрительностью ужиться трудно в любом коллективе. А в таком, направленном на высокие задачи и цели, как наш – особенно. Вы кем, уважаемый, работали до сегодняшнего дня?

– Кем бы ни работал, а все до копейки деньги в моём активе – праведными трудами нажитые... и на сказочки ваши, на хитромудрые провокации с показом внутренностей бумажника меня не купите! Не магнат я, конечно, финансовый, но и того малого, что при себе сейчас имею, лишаться не хочу.

Так что, извиняйте, мне здесь неудобно, пойду я.

В середине зала встал и начал пробираться к выходу аккуратно одетый мужчина без особых примет, как охарактеризовали бы его оперативники-розыскники из милиции, то есть ничем не примечательного, ни то, ни сё «конкретного внешнего», как он сам выразился, вида.

– Ну, а пять тысяч кто-нибудь мог бы продемонстрировать? – бодро продолжил своё презентационное выступление Антон Дроботов. Преувеличенно бодро, пытаясь оттянуть от уходящего посетителя на себя внимание зала.

Пока зал колебался, переключать ли немедленно своё внимание на оратора, тот без малейшей паузы повысил громкость голоса в децибелах до уровня торжественного объявления «гвоздя» цирковой или концертной программы:

– А три тысячи? Тот, кто покажет эту сумму или её эквивалент в любой другой валюте, автоматически получает лично от меня, прямо здесь и сейчас, ровно такую же сумму в качестве супер-приза! Вот, пожалуйста...

Дроботов вынул из нагрудного кармана рубашки стопку стодолларовых

купюр, сноровисто отсчитал тридцать штук и положил на стол.

– А скидываться можно? – раздалась опять почти хором весёлые голоса всё тех же «интеллигентов» с последнего ряда. – На троих мы если не трёшку, то уж тышчёнки полто-

ры-две как-нибудь осилим!

– Нет, господа, до меньших сумм, тем более в складчину, мы ещё не дошли. Итак, три тысячи раз! Три тысячи два!..

– Есть три «штукаря»... – из первого ряда поднялся невысокий полненький лысенький потный краснолицый мужичок с мелковатыми для его крупной головы бегающими, похожими на пороссячи, глазками.

В начавшем пробуждаться от пассивности зале раздались протестующие голоса:

– Подстава! Свои не в счёт! Играют только гости с улицы!

– Принимается, – улыбнулся примирительно оратор, – играют только гости. Ну, трёх тысяч больше нет ни у кого? Тогда пусть кто-нибудь продемонстрирует тысячу долларов! Тоже за моментальную эквивалентную премию от меня. Только индивидуально, без складчины!

Антон уже просчитал, что в зале вряд ли у кого-то найдётся и эта сумма, если даже самые «передовые» гости наскребали на троих едва полторы-две тысячи, и за судьбу приза был спокоен – впрочем, как обычно.

– Что, и тысячи ни у кого? Ну, ладно, будем считать, первая часть эксперимента завершена, – Дроботов, забрав со стола свои деньги, вернулся в кресло председательствующего. – А в продолжение этого показательного пункта программы нашей сегодняшней встречи логично было бы передать слово моему коллеге, опытнейшему доктору, профессору медицины Моськину Владилену Владиленовичу. Он всё

и разложит логически по

полочкам. Владилен Владиленович, прошу вас!

Из-за стола, тяжело отдуваясь, поднялся высокого роста невообразимо тучный, с тщательно зализанными назад и перетянутыми на затылке резинкой в хвостик полуседыми волосами – ни дать ни взять ветеран японской борьбы сумо – немолодой мужчина в очках:

– Мой младший брат, который, вот, находится за этим же столом, не даст соврать, – кивнул он в сторону восседавшего по другую сторону от Дроботова очень похожего на самого Моськина, тоже в очках, тоже крупнотелого, но не настолько пока заплывшего жиром розовощёкого крепыша, – меньше пятнадцати тысяч, долларов разумеется, в месяц я давно уже не имею. И никакого чуда здесь нет. Всё реально. Вот сейчас никто из вас не смог вынуть и показать даже скромную тысячу, а я, пожалуйста – демонстрирую свои повседневные карманные.

Моськин достал из нагрудного кармана так явно просвечивавшую сквозь тонкую ткань и так туго оттопыривавшую этот карман стопу бледно-зелёных многодолларовых купюр, небрежно швырнул на стол:

– Прошу какого-нибудь добровольца из зала сосчитать. Да не стесняйтесь, надо же и вашим рукам с какого-то момента привыкать к ощущению приличных денег!

Из предпоследнего ряда поднялся модно одетый молодой человек, без малейших признаков скованности подошёл к

столу президиума, взял в руки предложенные для пересчёта доллары, прикинул на вес:

– Пятёрка железно!

– А вы всё-таки пересчитайте, не стесняйтесь, – подбодрили его члены президиума.

– Шесть «штук» без одной сотни, – доложил через минуту юноша, и той же свободной походкой вернулся на своё место.

– Слышь, парень, – с коварно-тигриной мягкостью тронул его за плечо мускулистый брюнет – один из троих сидящих прямо за его спиной зрелых мужей, объявивших несколько минут назад о наличии у них «полутора-двух

тысяч на круг». – Ты часом не штатный «доброволец из зала»?

– зуб даю!

– И деньги сейчас считал перед публикой впервые? – включился в разговор один из двоих шатенов.

– Лично я – да. В натуре! Без приколов говорю...

– А кто-то ведь и регулярно этим занимается? Много здесь таких? – подключился другой шатен.

Парень пожал плечами, приподняв до предела брови, что, видимо, должно было означать «понятия не имею». Но вышло это на фоне суетливого ответа «лично я – да» как-то не очень уверенно, чем тут же хладнокровно воспользовались его собеседники, безжалостно усилив психическую атаку на «добровольца».

– Значит, говоришь, зуб даёшь? – сурово наседал излуча-

ющий всем своим существом какую-то скрытую опасность брютет.

– А что?.. – ответы становились всё более натянутыми.

– Не страшно?

– Ч-чего? – в глазах напрягшегося юноши мелькнула тревога.

– Жениться беззубым, как столетний дед. Ведь эдак у тебя до свадьбы ни зубика не останется, если за каждое враньё будешь отдавать их так запросто.

– Н-но это же условно. Присказка такая. Без прик... – заикнулся, лязгнув друг о дружку ослепительно белыми и безупречно ровными, без единой пока недостающей единицы рядами молодых здоровых зубов юноша.

– А мы люди простые, доверчивые, и всё за чистую монету принимаем, что слышим. В том числе и присказки типа «зуб даю»... – это тоже без приколов.

– Ладно гнать, «простые»... – юноша с опаской зыркнул глазами в сторону сурового брютета. – Ну, хорошо, попробую ввести, как сумею, в курс дела, а пока прикиньтесь, пожалуйста, что слушаете не меня, а Пузыря. Вам надо, чтобы на нас обратили внимание и попросили заткнуться или покинуть помещение?

– Действительно, пузырь. Но как этот ваш Моськин, при таких-то собственных габаритах, не стыдится позиционировать себя супер-спецом по похудению и учить других правильному образу жизни? Да умудряется зарабатывать на

этом деле не меньше пятнадцати тысяч, как он говорит, зелёных в месяц? Ведь звание профессора-диетолога обязывает, наверное, воздействовать на людей и личным примером, собственной здоровой внешностью?..

– Ну, вы, прям, завалили вопросами, – опасливая напряжённость в голосе сжавшегося буквально в комок юноши немного ослабла, чему поспособствовало, видимо, некоторое смягчение агрессивно-атакующего тона собеседников, особенно чернявого. – Давайте не все сразу.

Тем временем «доктор» Моськин со спокойной уверенностью, и в то же время в меру строго, внушительно, действительно как настоящий вузовский профессор с кафедры, обращал в свою веру уважительно внимающую ему аудиторию:

– Абсолютно доказано опытом всего человечества, что без страстного желания добиться в чём бы то ни было выдающихся результатов трудно. Наше дело – не исключение. Но, чтобы достигнуть в нём если и не моего уровня, то хотя бы догнать моего брата, который даже при его адской загруженности в своём секретном НИИ⁵ стратегических фармакологических разработок худо-бедно семь-восемь, а то иногда и десять тысяч долларов в месяц имеет спокойно, не забывая главного врачебного постулата: не навреди. А поэтому, если вы не врачи по профессии, то не пытайтесь, пожалуйста, лечить людей. Наша задача – помочь им нетрадиционным, безболезненным и комфортным путём, используя исключи-

⁵ Научно-исследовательский институт

тельно диетологические и косметологические средства и методы, стать здоровыми и красивыми. А самим при этом прилично заработать. То есть богатеть, делая добро. Поэтому, в ходе встречи с клиентом, простите, с пациентом, перед вашими глазами должны стоять две вещи – максимальная денежная сумма,

перекочевавшая из его кошелька в ваш, и похорошевший, похудевший, постройневший этот самый клиент. Простите, пациент.

– Насчёт габаритов «Пузыря», это вы точно подметили, – полушёпотом разъяснял суть дела своим взрослым собеседникам молодой «доброволец из зала». – Но он не дурак, сам с клиентурой предпочитает непосредственно не общаться, а только по телефону консультирует. На продажи же, то есть на приём этих клиентов, то есть, правильнее пациентов, ставит стройненьких привлекательных, с хорошо подвешенным языком приезжих дистрибьюторш, специально отдрессированных под это дело.

– А ты сам-то продажами, или как, судя по твоей же поправке самого себя, вы тут называете, приёмом пациентов занимаешься? Деньги, поди, тоже

лопатой гребёшь?

– Я ещё не созрел. Бегаю пока целыми днями по городу, рекламные листовочки расклеиваю, – парень открыл стоящий под ногами портфель, достал пачку небольших красочных листочков бумаги с изображением двух человеческих

фигур: одна – толстая до безобразия женщина, жирно перечёркнутая крест-накрест, вторая – красивая стройная де-вушка. Надпись под фигурами гласила: «Похудеть за неделю до 10 кг. Надёжно, комфортно, дорого».

– А слово «дорого» не отпугивает клиентуру, или, по-вашему, пациентуру?

– Что вы! Совсем наоборот – прямо и честно объявлен-ная дороговизна по принципу «хорошее дёшево не бывает» ещё раз, наряду с внешней атрибутикой офиса, подчёркивает элитарность заведения. Да и сразу отсеивает несостоятель-ную праздношатающуюся публику.

– Резонно. Ну, а хоть что-то же, хотя б на хлеб, всё-таки зарабатываешь?

– За первый месяц триста баксов поимел. В этом надеюсь минимум пятихатку⁶ срубить. А пойдут собственные прода-жи, там уже, считай, всё в порядке.

– Это что, за простую листовочную расклейку так платят? «Пятихатка», это, надо понимать, полтыщи долларов? Боль-ше, чем была моя офицерская зарплата в войсках? А если сволынишь? Скажешь командирам своим, что, мол, пошёл листовки клеить, а сам – пиво пить...

– Не-е, такие финты здесь не конают. Оплата только по конкретному результату.

– По результату – это как?

– Разъясняю для особо одарённых, – почувствовав ещё бо-

⁶ Пятьсот (относительно к деньгам – рублей, долларов и т.д.)

лее заметное ослабление атакующего темпа его «допроса», парень не только расслабился, но и слегка повеселел. – Если по моей листовке откликнулся потенциальный клиент, его наши кадры, что поопытнее, обрабатывают сначала по телефону. Получилось вытянуть на встречу и раскрутить на какую-то сумму – половина прибыли по идее моя.

– А как узнают, что клиент именно с твоей листовки?

– Приписанный от руки индекс в уголке видите? «СМ 21-К-а» – это означает «Сергей Молодцов, 21 год, родом из Краснопартизанска, базовая профессия (не для клиентов конечно, а для внутриорганизационного контроля) – актёр», то есть я. Не перепутаешь и среди тысячи расклейщиков. Клиента при первичном телефонном разговоре-прощупывании обязательно спрашивают, с какой рекламы он на салон вышел, и если с листовки, то какие буквы в её углу стоят. И он регистрируется как мой.

– Ты что, настоящий артист? Кроме шуток? – восхищённо уставился на потенциальную звезду театра, эстрады, а возможно и киноэкрана чернявый атлет.

– Закончил нынче саратовское театральное, но речь не об этом.

– Хорошо, но потом как-нибудь обязательно расскажешь. Договорились? А сейчас давай, действительно, по делу. И что, товарищ артист-расклейщик, честно с листовщиками ваши «пузыри» расплачиваются?

– Приходится верить, куда деваться. Все, считай, понача-

ду через это проходят. Потом, когда подкоплю денюжат, смогу участвовать в оплате

газетно-журнальной рекламы. С неё заработки уже покруче, ведь по специальным тематическим, да и просто общеразвлекательным глянцевым журналам приходят более серьёзные и целенаправленные клиенты, чем по случайно обнаруженной на двери подъезда или под «дворником» машины листовке. Хотя, в любом случае, к самостоятельным продажам допустят не скоро – тут своя игра. Но зарабатывать и на самом деле можно недурно, если комплексовать не будешь и в струю попадешь, вольёшься в команду.

– Надеешься влиться?

– А, иначе, какой смысл участвовать во всей этой дурилке, и тратить время, силы? Между прочим, у вас тут шансов, наверное, побольше: солидная внешность, возраст для мудрых врачей подходящий.

– Слушай, Серёжа, – предложил, опять вступая в разговор, один из «интеллигентов», – да, кстати, не пора ли познакомиться, меня зовут Андрей Яковлевич, его вот – тоже Андрей, но Петрович... а не посидеть ли нам вечерочком, после этой презентации, где-нибудь в кафешке, да за кружечкой пивка не спеша, спокойненько проанализировать ситуацию? Наверное, и товарищ не будет против, – обратился он к хоть уже и не так сурово, как вначале, но всё ещё со строгим выражением лица «допрашивающему» сперва

было оробевшего чуть не до икоты, но теперь уже почти

совсем успокоившегося юнца брюнету.

– Гвардии подполковник Георгица, Александр Иванович, – тут же по-военному чётко отрекомендовался тот, и протянул всем по очереди руку, скрепив знакомство «стальным» рукопожатием. – Уже, правда, запасной подполковник, и совсем не милицейский, не менжуйтесь, ребята. Морпех я. То есть морской пехотинец-разведчик... Слыхали, надеюсь, про «дьяволов в чёрных беретах»?

– Круто! – с уважением окидывая взглядом впечатляющую мускулатуру «морпеха», каковую не способна скрыть никакая одежда, проговорил Сергей, и нехотя отвернулся, обратив взор в сторону ораторствующего Моськина, изображая прилежного слушателя.

«Ветеран борьбы сумо» свою речь к этому моменту подводил к концу. Концу не менее эффектному, чем её начало.

– Я уже сейчас вижу, что многие из здесь присутствующих скоро смогут неплохо зарабатывать и реально помогать денежными переводами своим близким (опытный и проницательный Владилен Владиленович своим наметанным глазом сразу определил, что в зале нет ни одного москвича, все исключительно – провинциалы, на коих и было рассчитано сегодняшнее действо). А кое-кто, – он кинул взгляд на только что познакомившихся с юным Сергеем мужчин, – имеет шансы пойти и вовсе далеко, особенно если будут зачислены в мою группу. Так что, сразу по окончании этого мероприятия прошу желающих зарабатывать в десятки, сотни

раз больше, чем большинство ваших знакомых и друзей-земляков у себя на родине, подойти ко мне и, не откладывая, браться за дело.

– Да, господа, – встрепенулся уже привычно задремавший при прослушивании в сотый, наверное, раз одной и той же речи Моськина Антон Дроботов. – Сразу же после презентации вы можете записаться в группу любого выбранного вами лидера и... специально заостряю на этом ваше внимание, сегодня же приступить к зарабатыванию реальных денег. Хоть к Владилену Владиленовичу или его брату Владимиру Владиленовичу; хоть к Ольге Богдановне, которая перед вами сегодня выступала; хоть к Тарасу Тихомировичу, который хотел продемонстрировать свои, кстати, честно заработанные за последний месяц три тысячи долларов, да вы его остановили; хоть к тому же Дмитрию Максимовичу Разуменщикову, который также выступал сегодня перед вами и который за считанные месяцы превратился из отчаявшегося провинциального шофёра в преуспевающего столичного бизнесмена. А, хоть и – к вашему покорному слуге, то есть ко мне, Антону Дроботову. Напомню, что по десять тысяч долларов в месяц мы с Владиленом Владиленовичем зарабатывали уже через полгода после начала работы в стенах этого заведения. Поскольку же время не стоит на месте и бежит с каждым прожитым днём быстрее, спрессовываясь в события всё интенсивнее и плотнее, то нет ничего невероятного в том, что кто-то из вас в кратчайшие сроки станет ещё более

успешным дистрибьютором уважаемого доктора Ли, чем все мы только что мною перечисленные!

– Пишитесь к Дроботову, не прогадаете! – наставлял своих старших собеседников Сергей Молодцов. – Я, увы, уже больше месяца, как подписан под Поросёнком, а частая, да и вообще, если честно, никакая смена наставников здесь не приветствуется. Позже сами поймёте, почему.

– «Поросёнок» – это случайно не тот толстячок, что «трёшку» пытался продемонстрировать? Ну, у вас тут и народец! Пузыри да поросята на службе красоты и здоровья... феноменально! – промолвил один из двоих Андреев, Яковлевич.

– Для полного боекомплекта только ещё колобка из той русской сказочки в вашем гадюшнике не хватает... – подхватил отставной гвардеец.

– А у нас тут и «Колобок» был, промежду прочим. Так что, полное счастье или, как вы говорите, боекомплект салон в своём арсенале уже имел.

– Да ты что?! – аж присвистнул, правда, очень тихо, бравый Георгица.

– Зуб... кхм... то есть, гадом буду!.. Да менты замели его недавно – в международном розыске числился. И этапировали под смуглые рученьки прямо на историческую родину, где проведут следствие, а потом – под суд.

– Такой страшный злодей? И почему под «смуглые», а не под белые, как в поговорке?

– Ну, на злодея он с виду не очень похож. Наоборот, маленький, пухленький, с добрым-добрым лицом, улыбочивый... А смуглый, потому что таджик. Федя – Фархад по ихнему, под китайца здесь в Салоне прикольно шарил: гирудо-терапией, ну, пиявками живыми, клиентуру пользовал, иглоукальванием попутно промышлял. В очередь к нему, как к «доктору Фэну», за месяц народ по талонам писался.

– А на самом деле кто он, этот «Фэн Шуй» среднеазиатский?

– Кулинар – лепёшечник и шашлычник изумительный. Сам пробовал –

пальчики оближешь! А по совместительству картёжник-шулер, кого-то там у

себя в Душанбе не так объегорил, и смылся сюда в Москву, вот мафия его, видимо, и достала через милицию. Руки-то у неё, у мафии, сами понимаете, как у гориллы... длинные и хваткие, да ещё и волосатые. Кого хочешь хоть откуда вынут. Так что, насчёт кадрового состава Салона вы правы – люди в нашем славном бизнесе один уникальнее другого...

– И эти не только физические, а и морально-нравственные уродцы умудряются огребать эдакие деньжищи... Выходит, нормальному внешне и внутренне человеку сам Бог велел попробовать, – задумчиво произнёс второй Андрей, отчество которого было Петрович.

– Да, насчёт, под кого подписываться в сеть нашу... Дроботов и внешне выглядит лучше всех остальных, и внутрен-

не порядочней большинства. Да и в деньгах натурально удачливее, – продолжал агитацию «новобранцев» в пользу симпатичного ему Антона Сергей. – Хотя, и он не без греха, но из всех зол здесь, могу побожиться, наименьшее.

– Лично я в этом ни минуты не сомневался, – резюмировал суровый «морпех». – Поверьте уж старому вояке-молдаванину. Судя по выправке, это наш брат служивый, причём настоящий, с передовых позиций, а не штабист или тыловик какой-нибудь. А среди боевого офицерства дерьма мало. Я запишусь к нему.

IV

На исходе того же дня компания из четверых начинающих дистрибьюторов доктора Ли, заняв столик в облюбованном ими летнем кафе на старом Арбате и сложив под ногами в стопку трёхкилограммовые пачки полученных ими для расклейки по городу листовок, оживлённо обсуждала между собой план действий на ближайшие дни.

– Скажи, Серёжа, – уже гораздо более миролюбиво, чем во время презентации в офисе салона восточной медицины, обращался к своему новоявленному коллеге по избранному сегодня виду трудовой деятельности подполковник запаса Александр Иванович Георгица, – а ты сам-то всерьёз веришь в свою древнекитайско-медицинскую звезду?

– Так я ж вам уже проговорился, что закончил никакое не медицинское, чему в этой нашей шарашке цены бы не бы-

ло, а театральное училище. Какая древнекитайская звезда, о чём вы? Взрослые люди, а вопросы задаёте, как только что из детского садика... – Сергей после совместно распитой со своими взрослыми новыми товарищами, с сегодняшнего дня коллегами по бизнесу и, может быть, в будущем даже друзьями по жизни, уже целой бутылки водки с запивкой пивом (красиво звучит!) чувствовал себя теперь, когда миновал тот «напряг», в котором он побывал в начале знакомства с ними в зале презентации, прекрасно: спокойно, раскованно, если не сказать умиротворённо. И готов был без малейшей утайки выложить сейчас все свои познания и сведения по теме, почерпнутые им за два неполных, но продуктивных в накоплении бесценного жизненного опыта месяца пребывания в низовом столичном бизнесе.

– Ну, так мы и в самом деле детсад, можно сказать, по сравнению с твоей персоной касаемо нашего нового ремесла. Безо всяких приколов объективность эту признаём. И спору нет – успех предстоящих дел наших во многом зависит от степени осведомлённости обо всех тонкостях будущей работы. Так что, перед тобой стоит воистину благородная задача помочь своим неопытным сподвижникам. А это ты можешь, – один из Андреев (отчества обоих Сергей забыл сразу же после знакомства, и пока даже внешне не очень-то отличал их друг от друга) изобразил настолько неподдельную серьёзность, что юный их «коллега» готов был прослезиться от переполнившего его душу чувства значимости своей се-

годняшней миссии.

– Кроме шуток, Серёжа, – так же исключительно серьёзным тоном поддержал Андрея подполковник-«дьявол» Георгица. – Вопрос и в самом деле стратегический. Так что, колишь, дорогой ты наш артист-диетолог, как на духу. Значит, говоришь, не молишься на свою древнекитайскую звезду и стать лучшим в мире целителем – не мечта всей твоей жизни? Но, какой же резон братья за то, во что сам не веришь? Твои, между прочим, слова: «А

иначе, какой смысл...» и так далее.

– Ой, давайте, пожалуйста, без езды по ушам! Как будто вы сами, взрослые солидные мужики, прошедшие огонь и воду, и остальное-прочее, только и мечтали всю свою долгую жизнь, как бы поскорей отречься от любимой работы или военной службы, отказаться от крутых должностей, кинуть в один момент на произвол судьбы дома и семьи, и со всех ног помчаться на помощь жирным денежным москвичам, страждущим безболезненно и красиво избавиться от последствий дикого обжорства! Ой, не могу, держите меня...

– А ты вот возьми, Серёжа, да разъясни хоть и взрослым, но неискущённым в бизнесе дядям, что к чему. Тем более что мы теперь, наверное, друзья. Иронию твою прекрасно понимаем и принимаем. И не скрываем, что в Москву приехали не на прогулку, а банально решить некоторые свои, в частности финансовые, проблемы, но, не вступая ни в какие мафии, по возможности честным путём.

– О том-то и речь, мужики. Проблемы... они у каждого свои, а решать их все едут в одно и то же место – сюда, в главный и самый богатый город нашей страны. И если не все, то, во всяком случае, многие на первых порах хотят честно. И я, и вы, и остальные сотни тысяч, миллионы... Почему?

– Ну, давай для объективности начнём с тебя, родной ты наш. Ведь, молодым везде у нас дорога... да и, при этом, ты уже какой-никакой, а, можно сказать, ветеран столичной битвы за счастье – почти полных два месяца воюешь...

– А старикам везде у нас почёт! Уступаю.

– А мы на правах старших переуступаем, и изъявляем желание сначала проанализировать всё-таки твою историю. Так вот, Серёжа, у тебя-то, молодого, красивого, вероятно талантливого, дипломированного артиста какая такая беда-злодейка приключиться успела, что без Москвы-спасительницы ты обойтись не мыслишь? Ведь одно дело, если целомудренный перспективный российский парень приехал покорить любимую столицу своими талантами, сделать в ней головокружительную профессионально-творческую карьеру, и совсем другое, когда подался он в богатый мегаполис решать какие-то там возникшие у него дома неурядицы. Откуда они у тебя, юноша? А, может, всё гораздо проще? Может, просто в армию идти служить тебе неохота, и решил несколько годочков своего призывного возраста перекантоваться на нелегальном положении в мегаполисе, где найти тебя ваши местные военкоматчики не смогут?

– Да-а... под наивных вы все трое косите, скажем прямо, не очень удачно. Придётся как-нибудь на досуге преподавать вам азы актёрского мастерства. Кстати, призывная медкомиссия меня объективно забраковала по состоянию здоровья, и перед вооружёнными силами своей любимой Родины я чист как стёклышко. А неурядицы, спрашиваете, откуда? Да оттуда же, откуда и у вас.

– Ну-ну... и в чём же ты видишь общий корень наших с тобой проблем? Где он?

– Элементарно – в экономике!

– О-о-о! Ты, парень, претендуешь на лавры пошибче, чем открывателя Америки. Оригинально мыслишь и, главное, безошибочно точно. Зришь прямо в тот самый корень, куда велел глядеть великий Козьма Прутков... – отставной «чёрный дьявол» Георгица, войдя в неплохое расположение духа, решил, видимо, немного ответно попотешаться над иронизирующим Сергеем, но тут же, чуть не до столбняка ошарашенный, был ехидно-жёстко «отбрит» совершенно неожиданным для него ответом:

– А ни Козьмы, ни Пруткова, к вашему сведению, товарищ настоящий подполковник, никогда в природе и не существовало. Придуманый мудрец. «Брэнд» по-современному.

– Иди ты!.. Неужели, в самом деле?

– Слабая у вас, видать, историческая подготовка была в военном училище и на службе, если даже таких общеизвестных фактов не знаете, – с наслаждением мстил мускулисто-

му брюнету за испытанные по его вине минуты страха за час-два до этого «доброволец из зала». – Может, потому и до «полкана» к пенсии не дослужились?

– Ну, это не твоё щенячье дело, почему и до чего дослужился или не дослужился гвардейский офицер Георгица, а с Прутковым Козьмой вопрос исторически сложный, и однозначно тут никто ничего утверждать не может... – потупился бравый вояка.

– Ладно, ребята, успокойтесь, – вмешался один из Андреев. – Излагай, Сергей, в темпе свою печальную повесть, а то потурят нас скоро отсюда, и не успеем все излить душу.

– Не потурят, – уверенным тоном знатока промолвил Сергей. – Здесь летние питейные заведения по принципу «до последнего клиента» работают, хоть до утра можно сидеть спокойно... Ну что, имеющий уши да услышит?

– Наши уши в твоём полном распоряжении! Время пошло...

– Россияне!!!

Все трое слушателей – и Андрей Петрович, и Андрей Яковлевич, и Александр Иванович, разинув рты, вытаращились на Сергея. Ни один из даже самых знаменитых пародистов современной отечественной эстрады, обычно наперегонки бросающихся смешить публику воспроизведением речи очередного ушедшего с политической арены руководителя государства, и близко не стоял с расклейщиком листовок Молодцовым по степени схожести звучащего сейчас его голоса

с голосом первого российского президента⁷.

– Заявляю вам как ваш гарант, понимаешь, – уверенно, не спеша, с расстановкой вещал из уст Серёги голос Бориса Ельцина, – вот и друг мой Колюн, э-э... Гельмут⁸, понимаешь, и другой друг, Клинтон Блин⁹, э-э... Билл, понимаешь, могут подтвердить, шта-а... артистическое искусство России родилось где?.. А там и родилось – в Саратовской, понимаешь, губернии. И кот Матроскин¹⁰, ну-у... этот, как его, Табаков Олег¹¹, и барон Мюнх¹²... ну, который на пушечном ядре летал, и сам себя за свою чупрынь, понимаешь, из бо-

⁷ *Ельцин Борис Николаевич (1931-2007 гг.)* – советский партийный и российский политический и государственный деятель, первый всенародно избранный президент Российской Федерации (июль 1991 – дек. 1999 гг.), вошедший в историю как радикальный реформатор общественно-политического и экономического устройства России;

⁸ *Гельмут Коль (род. в 1930 г.)* – бывший канцлер Федеративной Республики Германия;

⁹ *Билл Клинтон (род. в 1946 г.)* – бывший президент Соединённых Штатов Америки.

¹⁰ *Кот Матроскин* – один из главных персонажей российского мультипликационного фильма «Трое из простоквашино»;

¹¹ *Табаков Олег Павлович (род. в 1935 г. в г.Саратове)* – популярный советский и российский актёр театра и кино, озвучивший роль кота Матроскина в мультфильме «Трое из Простоквашино».

¹² *Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен (1720-1797 гг.)* – немецкий барон, ротмистр русской службы, историческое лицо и литературный персонаж, герой множества экранизаций. Имя стало нарицательным как обозначение человека, рассказывающего невероятные истории;

лота вытаскивал, этот... как его, Янковский Олег¹³. И по-
ложе есть одна шустро растущая театрально-киношная зна-
менитость, их всех теперь звёздами называют – Миронов¹⁴,
кажется, уж не Женей ли его зовут... точно, вспомнил, Ев-
гений... А Сметанников Леонид¹⁵, который знатно поёт, как
кум до кумы судака тащит? Даже я бы, наверно, вряд ли ис-
хитрился так красиво с рыбалки... правильно, вдоль по этой,
понимаешь, по Питерской. И Столыпин¹⁶ великий...

– А вот Столыпин, уважаемый Борис э-э... Николаевич,
это уже не искусство, а политика, – голос Ельцина сменился
так же поразительно схожим с оригиналом голосом мульти-
пликационного кота Матроскина, колоритно озвученным в

¹³ *Янковский Олег Иванович (1944-2009 гг.)* – популярный советский и российский актёр театра и кино. Театральное образование получил в г. Саратове, там же и начинал театральную карьеру. В 1979 г. снялся в главной роли телевизионного фильма «Тот самый Мюнхгаузен»;

¹⁴ *Миронов Евгений Витальевич (род в 1966 г. в Саратовской обл.)* – популярный современный российский актёр театра и кино. Первое театральное образование получил в г. Саратове;

¹⁵ *Сметанников Леонид Анатольевич (род. в 1943 г.)* – певец, солист Саратовского театра оперы и балета, выпускник и профессор Саратовской государственной консерватории, Заслуженный артист России;

¹⁶ *Столыпин Пётр Аркадьевич (1862-1911 гг.)* – русский политик, министр внутренних дел, премьер министр России в 1906-1911 гг., талантливый оратор и реформатор, прославившийся жёсткостью, непреклонностью и бесстрашием.. В результате последнего (г.Киев) из множества совершённых на него покушений был убит. В Саратовской губернии Столыпин был землевладельцем, собственником суконных фабрик, имел дом в центре г. Саратова. В течение трёх лет (с 1903 г.) был Саратовским губернатором;

своё время артистом Олегом Табаковым. – Всё Простоквашино единым фронтом вышло бы голосовать за него, будь он нашим современником.

– Правильно, – опять голос Ельцина, – голосуй сердцем, как за меня было велено в девяносто шестом¹⁷... но ты, котья протоквашинская, не

перебивай старших, особенно когда гарант у микрофона, понимаешь. Политики – они тоже артисты великие. Значит... а-а, вот. Ещё этот, краснопартизанский парень с саратовским дипломом, особенно многообещающий юный талант – Молодцов Сергей. Так, получается, что же именно и в первую очередь объединяет всех знаменитых актёров, которых воспитала земля саратовская? Я тебя, животное, спрашиваю!

– Ну, молоко-о любят, – с добродушной гнусцой в голосе протянул кот Матроскин. – А я как раз третью корову заводить собрался... Вот, к нам в Простоквашино им сам Бог и велел навевываться почаще.

Двое Андреев и подполковник Георгица слушали, затаив дыхание. Даже про пиво забыли. Сюда же начали оборачиваться сначала лицами, а затем и всем телом вместе со стульями всё больше посетителей кафе с других столов.

Серёгу несло. Он, незаметно для себя, сначала захотел лишь одной-двумя фразами подтвердить свою профессио-

¹⁷ 1996 – год избрания Бориса Ельцина президентом России на очередной четырёхлетний срок.

нальную принадлежность к актёрской среде и сразу же приступить к повествованию о том, что привело его в Москву, перескочил грань, за которой полностью терял самоконтроль и ощущал себя сейчас артистом и только артистом. Все окружающие люди воспринимались им как публика, и ничего более.

– Да не молоко твоё прокисшее они любят, понимаешь, – в сменившем голос Табакова голосе Ельцина слышались раздражительные нотки, – а Родину в лице её державной столицы и конституцию в лице её законного гаранта. А ещё – денежки, каких в голодном Поволжье отродясь не водилось. И давно уже сюда, как умные люди, перебрались, понимаешь.

– Мя-а-у, господин гарант, но Поволжье исстари известно ещё и своим купечеством, развитой торговлей, поэтому денежки какие-то там всё-таки водились... и не все, значит, голодные в тех краях. Тот же Сметанников, например, так в Саратове и по сей день живёт, что не мешает ему оставаться отечественной, а может и мировой звездой первой величины.

– А нам и трёх китов достаточно, кошачье твоё скудоумие. Твой друг Табаков, потом друг барона Мюнх... ну, этого, лётчика ядерного, Янковский

и, наконец, молодое гениальное дарование, которое мне всех больше по душе, понимаешь, Сергунька с символической фамилией Молодцов...

– Так почему же на Москве-то свет клином сошёлся, еже-

ли Родину и конституцию можно, как тот же Сметанников (мя-а-ушки, как вкусно звучит...) любить и у себя дома в губернии, оставаясь при этом великим артистом? И жить, в общем-то, небедно-неголодно, поскольку торговля как была, так и есть там не менее развитой, чем артистическое лицедейство, сферой деятельности.

– Вот, то-то и оно-то, котику-братику ты мой, понимаешь! Родину, её, мать нашу сердешную, душой и сердцем любить можно, конечно, находясь животом своим где угодно – хоть загорая на берегах Лимпопо совместно с ветеринаром этим сказочным, ну... Айболитом, или в дебрях Занзибара в компании с каким-нибудь Бармалеем. Да и молоком коровьим можно хоть упиться, не вылезая из твоего Просто... э-э... квашина. И зарабатывать, понимаешь, худо-бедно можно, согласен, даже в саратовской глуши, у тётки в деревне. Но... нигде там нет такой великой штуковины, как салон восточной, понимаешь, медицины с его сверхзаработками и древнейшими проф... китайскими метод... ну, леший с ними. Так шта-а... без салона сего, в нынешнем мире с его стрессами и экологией, ста лет нашему современному человеку никак не прожить, хоть тресни. Это я тебе, кошка, как гарант ответственно заявляю! Голову положу на рельсы, если вру...

– Значит, мя-ау, салон столетнюю жизнь всем нам гарантирует? И, заделавшись его завсегдаем, я долго ещё не сойду с киноэкрана со своим Табаковым?

– Ещё раз, кошачатина облезлая, как гарант заявляю... а

не веришь, пусть штатные академики этого великого салона сами как на духу всю правду-матку расскажут.

– А у меня и с гинекологией теперь всё в полном порядке благодаря препаратам и методикам непревзойдённого доктора Ли, – всхлипывающему в приступах неудержимого смеха и звонко похлопывающему себя ладонями по ляжкам бывшему «морпеху», и ненамного отстающим от него в выражении своего восторга двоим Андреям издаваемый Сергеем Молодцовым голос умопомрачительной ораторши с сегодняшней салонной презентации показался настолько точно воспроизведённым, что на месте Сергея всем троим ну прямо въявь померещилась сама Ольга Богдановна с её аппетитными формами. – Кто словам моим не верит, и хочет проверить в действии, то есть натурательно продегустировать, не стесняйтесь, поднимайтесь на сцену! Первый... Ну?.. Так... ещё... ой, как приятно! Молодец! Следующий... о-о, хорошо!.. Записываю обоих в свою группу, будете моими личными ассистентами. Вас ждёт прекрасное будущее!

– Bravo, класс! – со стороны ближайшего из соседних столиков раздались аплодисменты. Двое из сидящих за тем столиком поднялись со своих мест, отошли к барной стойке и вернулись с красивой хрустальной бутылью-графинном коньяка «Хеннеси» в руках.

– В знак восхищения вашим талантом, – протянул один из них сверкающий в свете вечерних огней хрустальный сосуд Сергею. И, повернувшись к остальным, вежливо извинился:

– Простите, господа, это ни к чему не обязывает. Со знакомством навязываться не будем, но, если позволите, мы ещё послушаем. Давненько такого удовольствия не получали.

Сергей Молодцов ещё более взбодрился и, ловко опрокинув в широко раскрытый рот классическую пятидесятиграммовую порцию только что презентованного ему коньяка, продолжил уже точь-в-точь голосом «профессора» Моськина:

– Чем чудовищнее ложь, тем с большим кайфом она заглатывается быдлом, то есть аудиторией. А аудитория эта – ваша потенциальная клиентура. Кстати, знаете кто автор этой теории? Вы правы, лучше не произносить. Уж больно непопулярное в мировой истории имя. Значит, чем больше звонких титулов вы присокупите к своему подлинному имени или псевдониму в вашей рекламе, тем с большим благоговением будут записываться в очередь на приём к вам как к докторам, академикам, членам-корреспондентам и так далее, и тому подобное. Только врачами себя, умоляю, не называйте, расколют вмиг, если кто-то из клиентов случайно настоящим медиком или опытным «хроником» окажется, а профессиональная подготовка ваша пока что – на уровне начинающего шамана в лучшем случае... Будьте уж, на худой конец, бакалаврами, магистрами или теми же членами-корреспондентами, вышедшими из стен какой-нибудь малоизвестной академии. Вот я, например, когда холодильных дел мастером на урюпинском мясокомбинате работал, если надо

было какую афёру проверить, меньше чем главным специалистом сверхсекретного военно-промышленного предприятия с номером вместо названия нигде и никогда не представлялся. Но... – именно специалистом непонятно чего.

– Серёж, а что, этот убудок Пузырь правда с мясокомбината? – не утерпев, прервал Молодцова Георгица.

– Мой брат не даст мне соврать, – голосом «Пузыря»-Моськина спокойно продолжал Сергей, – мясокомбинат... это такая школа жизни! Володь, скажи, вот разве тебе какого-то труда составляет прикидываться научным сотрудником института стратегических фармакологических разработок, хотя такого НИИ никогда и в помине не было? И те суровые годочки, что мы с тобой поочерёдно, а бывало-ча, и совместно, тянули время от времени по несправедливым судебным приговорёшникам то на суровых тундрах-северах, то на пыльных южных рудниках, как преподносим быдлу? Правильно, как периоды наисекретнейшей работы в сверхважных оборонных программах. Ты по научной части что заканчивал? Да забудь своё профтехучилище на слесаря-сантехника! Для рекламы по древнекитайской медицине, я спрашиваю... во, верно, закрытый военно-фармакологический институт, адрес которого не подлежит огласке. А я? Опять двадцать пять! Не полтора курса индустриального техникума по специальности «ремонт и эксплуатация промышленных холодильных установок», а другой такой же, и тоже до сих пор не рассекреченный военно-медицинский! И

дипломы о докторских своих учёных степенях мы... да не в переходе метро купили, а честно защитили в Китае, в пекинской академии нетрадиционной медицины!

– Серёжа, а про Поросёнка можешь выдать что-нибудь! – утирая слёзы, чуть не рыдал, сотрясаясь приступами визжащего хохота, Георгица.

– Извольте, – точным голосом предлагавшего публике для обозрения на презентации «три штукаря» долларов дистрибьютора Тараса Тихомировича продолжил показ своего актёрского дара Сергей. – Вот, когда я работал на списанном и еле двигавшемся паровозе помощником машиниста, то бишь кочегаром...

– Да ты что, неужто правда? – один из двоих Андреев, чокнувшись со вторым и выпив, взялся за грудь.

– А як же? На Украине моей милой паровозов уже лет эдак... давно, в общем, нет в эксплуатации, а меня, как из привокзального шинка, ресторанчика по-москальски, выжили, гады, ни за что ни про что, да ещё через кутузку, где проморили цельный год под следствием, – так и...

– Так уж ни за что ни про что? – голос в голос воскликнули все трое старших товарищей Сергея.

– Ну... весы в буфетной барахлили трошки, путаница кое-какая в бухгалтерских документах из-за сложной системы отчётности... ещё по мелочёвке накопили, калькуляция моя, видите ли, им, этим ментам поганым, не по душе пришлась...

– Ну, посадили, выпустили. Обошлось ведь?

– Вот и я балакаю. Мало того, что все нажитые долгим и непосильным трудом гривны та карбованци потерял в одночасье, чтобы поскорее из-под ареста вывернуться и дело уголовное похерить, но ещё и на этот допотопный заржавленный паровоз сесть пришлось.

– Да кто заставлял-то? Почему вообще в железнодорожники подался?

– А куда ещё было податься бедному Поросёнку? – шмыгнул носом Сергей, настолько точно воспроизводя пародируемый им персонаж, что собеседники его разговаривали будто с самим, собственной персоной присутствующим Тарасом Тихомировичем, как и с только что изображённой Ольгой Богдановной. – Ежель образования никакого, окромя как краткосрочные механизаторские курсы при местечковом профтехучилище? И нияких гарних знакомых, кроме как на ближайшей от родного хутора железнодорожной станции, в привокзальной ресторации на территории которой я и погорел так несправедливо. Да безработица жуткая. Подвижной состав когда-то крупного депо теперь большей частью на приколе, соляра ведь – дефицит страшнящий с самого начала затеянной главными кацапскими атаманами Перестройки. Ну и, для хохмы, что ли, тем более что с угольком не так плохо обстояло дело, как с жидким топливом, и запустили один из стоявших уже много лет на приколе паровозов.

– И чем кончилось?..

– Чем, чем... долго такого сраму я, конечно, не вытерпел, а даже если бы и дался мне шанс перебегнуть на тепловоз, или даже электровоз, всё равно это уже не та лафа по сравнению с доброй памяти ресторанной работой. А поскольку общепит-кормилец мне, после такой ментовской подлянки, по новой вряд ли уже светил, сама собой напросилась идея капитальной передислокации. Туда, где дураков и денег уж как-нибудь побольше. Но... не в пределах же родной неза-лежной. Шило на мыло... на фиг надо! Умные хлопцы – в Москву, и я туды ж...

– К дуракам и деньгам?

– Вот именно.

– «Три штукаря» – реальный твой заработок? – взрослые собеседники в экстазе от таланта перевоплощения их молодого товарища резвились как дети, беседуя с Сергеем не как с Сергеем, а как с живым высмеиваемым им персонажем.

– А як же? Не Поросёнком буду... вот вам хрест! Эти три штукаря с хвостиком – уже чистая прибыль, опосля всех издержек. Так-то! Через ещё чуток времени червонец в месяц буду иметь стабильно.

– На дураках?

– Больше на дурах прекрасного, если можно так назвать толпу охреневших от денег и обжорства толстух, пола, из коих клиентская база наша состоит процентов на девяносто... Ой, хлопчики, светает уже, уходит тихая москальская ночь.

А с утра зацикленные на своём весе дамочки валом попрут на приём, и встретить их надобно подобающе, бодренько. Ведь, как ни глупа каждая из них, а – может принести в клювике сотни и даже тысячи баксиков, – спохватился «Порощёнок»-Молодцов, и быстренько перевоплотился обратно в просто Молодцова:

– Спать охота, не могу. А завтра тышёнку листовок расклей, и не грешу.

– Тысячу не много, Серёжа? За раз-то.

– Ну, минимум пятьсот хоть умереть, а расфигачить надобно. Иначе... согласно сложившейся статистике, забудь про удачу. Хотя, если места правильно выбирать, и меньшим количеством можно заполучить больше клиентуры.

– Грамотный подход – он в любом деле благодарнее бестолковщины.

– Вот видите, не зря вас сегодня, то есть уже вчера, инструктировали...

– Антон Романович в силу своей занятости объективно не мог уделить всем желающим, в том числе и нам, достаточно времени для инструктажа...

– А, знаете, что я предлагаю вам, мужики? Давайте, хоть день вместе порасклеиваем? Правда, в этом есть свой минус – мы сознательно как бы конкурентами друг другу становимся. Но, дружба дороже. Да и, в конце концов, где гарантия, что по тем же самым маршрутам, что и мы, не бродят толпы наших соплеменников, то есть людей одной с нами крови

– знаете сколько по Москве шастает расклейщиков? Только из нашей сети – сотни. Так что, по домам? Во сколько и где встречаемся? Годится, в одиннадцать у метро «Арбатская», там, где кинотеатр «Художественный». Усеките главный момент: плясать лучше от печки, то есть от центра города. И поедем по голубой ветке, окучим после самого центра Кутузовский проспект. Богатых там – тьма тьмушая. А по ходу дорасскажу, почему и зачем конкретно я в Москву подался...

V

Тем же вечером, так же в центре Москвы в уютном итальянском ресторанчике близ Пушкинской площади ужинала весёлая компания довольных собою и сегодняшним днём людей «наиболее оптимального», с их точки зрения, для бизнеса и карьеры возраста – в основном от двадцати с небольшим до сорока лет. Было их с десятков, примерно поровну мужчин и женщин. Судя по манерам, одежде и аксессуарам, выбору блюд и напитков, это были явно не представители так называемого высшего света – столичного эстэблишмента. Но и не из тех, кто пропивает последнее, с тревогой в ходе всего обеда-ужина просчитывая в уме, во что обойдётся трапеза.

Официанты безошибочно определяют подобную публику как выгоднейшую в плане выручки. Едва соприкоснувшись с коммерческим успехом и начав зарабатывать относительно неплохие деньги, эти люди тут же сломя голову кидаются во

все тяжкие, начиная пыжиться и тужиться в стремлении как можно скорее приобщиться к «элитному образу жизни», в первую очередь с наиболее наглядной внешней стороны. И один из первичных атрибутов такого приобщения для них – кутежи в известных столичных ресторанах.

Людей таких довольно легко «раскрутить» на деньги – ведь они ещё далеко не адаптированы в том образе жизни, о котором так благоговейно мечтали, и к которому начали, наконец, постепенно приобщаться, подчёркнуто уважительно и суеверно-восторженно высказываясь о нём на словах, и упорно, шаг за шагом продвигаясь к реализации мечты на деле, не жалея сил в нелёгкой повседневной работе. Им пока невдомёк, что сделать покупку, порой дорогостоящую, только потому, что не хочется разочаровать в себе как клиенте лучезарно улыбающегося продавца – вовсе не бесспорный признак солидности покупателя. И что, зайдя в дорогой ресторан, не обязательно заказывать всё рекомендуемое официантом, только чтобы официант этот, не дай Бог, не усомнился в твоей респектабельности. Вряд ли скоро придёт к большей части данной публики понимание того, что пусть изысканные и «модные», но случайного ассортимента напитки, закуски и блюда, расставленные на столе, и с солидным видом, но без удовольствия, а иногда и с отвращением тобою поглощаемые, отнюдь не создают тебе того образа, на который претендуешь, затрачивая неоправданные суммы денег.

Хотя... «кому какое дело, как я трачу заработанные, да

хоть и не заработанные, а пусть доставшиеся в наследство, выигранные в лотерею, полученные от любовника или любовницы в подарок, от родителей как дотацию и любым прочим, не противоречащим закону способом деньги?» – может возмутиться даже самый нелепый с виду посетитель (посетительница) ресторана или иного денежно-затратного заведения. И будет прав. Тем более что, согласно всеобщей непререкаемой установке цивилизованной сферы обслуживания, клиент всегда прав, потому что он прав всегда, не правда ли? И в денежно-затратном посещении этом как таковом ничего заведомо незаконного и предосудительного нет и быть не может. Любой платежеспособный гражданин, а и даже человек без гражданства (есть такая категория людей в любой стране) имеет право на законные общедоступные услуги. Проверять же происхождение денег, вынимаемых им из кошелька при расчёте – не прерогатива обслуживающего персонала. На это есть специальные службы, так называемые фискальные органы. А кто как умеет выбирать услуги и ими пользоваться... Бог им судья. Это вам любой официант скажет.

В общем, компания ужинала. Ужинала, как мы уже отметили, жизнерадостно. И – изобильно: на столе красовалось практически всё меню ресторана. Такой подход к заказу выпить и закусить казался им «крутым». А повод для сей крутизны эти достойные леди и джентльмены считали более чем уважительным – заработок всей присутствующей здесь честной компании удался сегодня как никогда. Ну, тысяча-дру-

гая долларов в общей сложности на заключении дистрибьюторских контрактов с новичками по окончании сегодняшней презентации – мелочь, хотя число вновь подписанных в сеть структуры лиц было рекордным. Такого пополнения за один раз до этого ещё не было.

Но на продажах!.. Одна только удачливая до поры до времени в прошлом и чудом избежавшая тюрьмы за специфику своего бизнеса оптовая торговка палёной водкой Виолетта, удостоившаяся сейчас в свою честь первого тоста, в один приём «срубила» сегодня свою месячную норму, «обув» известного депутата-федерала – близкого родича одного из бывших руководителей стран ближнего зарубежья аж на восемь тысяч долларов. Это – абсолютный рекорд разовых розничных продаж «чудодейственных» пилюль за всю историю существования Салона восточной медицины. Мало того, пока этот чудак парламентарий реально похудеет хоть на килограмм (а весит он, – даже на весы ставить не надо, – никак не менее центнера), по составленной для него «индивидуальной спецпрограмме» поэтапного приёма препаратов можно будет облегчить его карманы ещё не на одну тысячёнку «условных единиц».

Похудеет он, конечно же, не благодаря «супер-препаратам», представляющим из себя всего-навсего порошковые концентраты пищевых трав и корешков, расфасованные в граммовые растворимые капсулы. Порошочки эти, хотя и большей частью экологически чистые, безвредные, даже, вы-

борочно, полезные, но и – не сказочно чудодейственные. Так... общетонизирующая вегетарианская подкормка различных систем организма, способствующая при стабильно-умеренном потреблении, как практикуется в странах с развитой нетрадиционной медициной, плавному (а никак не форсированному) саморегулятивному улучшению работы этих систем. А сбросит этот денежный мешок небольшую часть своего явно лишнего веса, да и то на какое-то, скорее всего, короткое время, до смешного просто: исключительно в результате соблюдения, если конечно выдержит, жесточайшей диеты, прописанной для него опять же «строго индивидуально» – не есть сладкого, солёного, кислого, острого, жирного, копчёного, жареного, мясного, мучного, молочного, словом – практически ничего, кроме не всяких даже овощей и фруктов в сыром или отварном виде, да и то в усечённых объёмах. Никакого, разумеется, спиртного, а из жидкостей – только эксклюзивные чаи доктора Ли.

Да на такой диете любой отощает так, что родная мать не узнает через регламентные недели! Под этот шумок можно пичкать и пичкать жертву невообразимыми, далёкими от здравого смысла дозами травок-препаратов, которые в салоне продаются по цене от двух-трёх до десятикратной против той относительно щадящей оптовой, по которой отпускает российским дилерам многоуважаемый доктор Ли. Да ещё хватает ума у этого китайского мудреца за объёмы продаж и численность подписанных в сеть дистрибьюторов отвали-

вать немалые бонусно-премиальные суммы наиболее активным, читай наиболее хитрым...

Не намного меньше везучей авантюристки-универсала Виолетты «оторвал» сегодня индивидуальной выручки и сохозяин салона Антоша Дроботов (положение, как говорится, обязывает), за которого произнесён был второй тост. Антон успел за день не только успешно провести не самую лёгкую в своей «древнекитайской» практике презентацию заведения, но и эффектно принять и обслужить, помимо ряда прочих небедных, ещё и парочку потенциально выгоднейших клиентов-пациенток – мать и дочь. Мать была вальяжная пышнотелая матрона лет пятидесяти с гаком от роду, пожелавшая, ознакомившись с рекламой в журнале «Она», омолодиться годочков эдак на двадцать и похудеть, как минимум, на столько же килограммов. Но чтобы, согласно рекламе, это произошло комфортно, приятно и как можно скорее. Цена – не проблема.

Дочка, несмотря на исключительную схожесть с матерью в чертах лица, являла ей, однако, заметную альтернативу в фигуре. С хорошей правда, грудью и далеко не худосочными, аппетитно играющими при ходьбе ягодицами и бёдрами, она была в целом стройна, недурно сложена и осаниста как принцесса, без малейших признаков целлюлита и иных неприятных для женщины внешних показателей. В салон же, на приём к «почётному члену международной академии восточной медицины» её привёл небольшой дамский каприз – сбросить

за недельку перед поездкой с любовником на один из карибских морских курортов, пока муж трудится по контракту на выезде в богатой североевропейской фирме, пару-другую килограммчиков веса, дабы выглядеть в бикини на роскошном пляже ещё привлекательнее. Деньгами на подобные капризы муж снабжал её в избытке, и за каждый сброшенный килограмм веса она без малейшей заминки легко «отстегнула» бы «штуку баксов», или, в переводе на культурный язык – тысячу американских долларов. Не отставать же от некоторых подруг, берущих ежедневно, выходя из дому, помимо становящихся модными пластиковых расчётно-кредитных банковских карт, ещё и привычные наличные на «салонные» и прочие «мелкие» расходы на глазок, по толщине пачки купюр!

Но не будь мужа – так папа, строительный магнат, снабдил бы не хуже. Хоть у него на шее в качестве важнейшей, тяжелейшей расходной статьи в первую очередь мама с её далёкими от скромных запросами... но и любимую дочурку глава семьи никогда не обходил в щедротах.

А доктор всё-таки душка! Мало того, что мужик, чувствуется, не слабый (совратить бы как-нибудь на досуге...), но и совсем не жадный. Не за сиюминутной выгодой гонится, как другие его коллеги, а озабочен в первую очередь здоровьем пациента. С мамы денег сразу, с первого приёма содрать даже не пытался, взяв только мизерную сумму за предварительную компьютерную диагностику, да за вводную консуль-

тацию. Всего-то сотню баксов! Смех для кошелька солидного человека... Направил сначала на обследование к эндокринологу, гастроэнтерологу, гинекологу и проктологу (откуда было знать обеим восторженным дамочкам, что каждый из перечисленных, как ни странно предельно конкретизированных древнекитайским обаяшкой-доктором по фамилиям, именам, месту и времени приёма врачей, был давно прикормлен Дроботовым и ему подобными, и «сидел на процентах», то есть регулярно получал соответствующую мзду за рекомендации обследуемым пациентам прибегнуть к помощи препаратов доктора Ли, которые наиболее грамотно назначат и помогут максимально эффективно употребить именно в Салоне восточной медицины?) Серьёзно подходит... Ну, что за прелесть! А имя какое красивое – Антон Романович... Нет, тут даже и раздумывать нечего, совращать и как можно скорее по возвращении с курорта!

Антон же, воздерживаясь сегодня от немедленного назначения программ

похудения мамаше сексуально озабоченной молодежи, преследовал несколько иную, чем той казалось, цель. Необратимо пухнувшая от чрезмерной сытости дама, судя по её поведению в первые минуты приёма всерьёз проникшаяся идеей стать вскорости такой же изящной и красивой как дватри десятка лет назад, причём именно с помощью этого уютного Салона и этого внимательного доктора, всё равно уже на крючке. Никуда её немалые тысячи долларов не уйдут,

а наоборот – внушившему ей доверие заведению она позже внесёт в кассу в разы больше, нежели заплатила бы сегодня. Ведь дочка её, эта безмозглая кукла, которая по окончании приёма, даже не осведомившись о стоимости услуг, не глядя и не считая разделила целую пачку купюр стодолларового достоинства примерно пополам, и одну половину запросто, как три копейки, бросила на стол... ради очередного своего креативного любовника неделю отсидит на назначенной ей Дроботовым жёсткой диете элементарно. Может быть, заодно, между делом, и поглотает ежедневно по несколько попутно прописанных травяных капсул – «чудо-препаратов доктора Ли». Сбавит в итоге килограмм-два явно надуманного излишка веса, а там – море, солнце, экскурсии, танцы и секс до упаду, в общем, активный отдых. Приедет загорелая, веселая, энергичная, и, конечно же, ещё более изящная и стройная, чем была до поездки.

Увидев возвратившуюся в таком жизнерадостном сияющем виде красавицу-дочь, мать, естественно, воспылает к древнекитайской медицине и лично к её апологету доктору Дроботову бесспорно возвышенными чувствами. Ну, какие тут счёты?.. Деньги – тьфу! Главное в жизни уважающей себя женщины – красота и здоровье!

Вот за эту стратегическую мудрость и перспективовидение организатора-вдохновителя Салона восточной медицины и был провозглашён на том весёлом пиру второй тост. Первый, по заведённой с некоторых пор в этом узком кругу

традиции, поднимался не в честь старшего по табели о рангах, а за того (сегодня это была, как мы уже рассказали, Виолетта), кто достиг наивысшей суммы разовой продажи, без учёта, конечно, дальнейшей «подсадки на иглу», то есть до продаж по мере продления «оздоровительных программ».

«Тостовал» один из мэтров столичного сетевого маркетинга, приведший в своё время в «Гербалайф» сначала братьев Владилена и Владимира Моськиных, затем Ольгу Богдановну, Тараса Тихомировича, Дмитрия Разуменщикова и, наконец, сразу больше других ему понравившегося Антона Дроботова. Которому, ничуть потом не разочаровавшись в этом, и подсказал первому идею древнекитайского целительства, так успешно Антоном и сформировавшимся вокруг него отрядом единомышленников теперь реализуемую.

Настоящего имени «мэтра» никто из присутствующих не знал. Да и ни к чему было. Зачем? Разве мало того, что этот человек научил их зарабатывать невиданные ими ранее деньги без каких-то особых сверхусилий, практически без риска, на чужой доверчивости, а зачастую и элементарной глупости, и ничего взамен не требовал? А если где-то «мэтр» открыто и рекламировался, то только под псевдонимами вроде «доктор Сердечный», «академик Доброделов» и тому подобное.

Сейчас, когда салон восточной медицины, костяк коллектива которого наслаждался за этим столом изысками итальянской кухни, только-только начинал в своей работе на-

бирать настоящие обороты, достойные, в своей совокупности, называться в какой-то мере капиталом, активная деятельность в сетевом маркетинге была для «мэтра» уже мало актуальна, по сути вчерашним днём. Приехав в середине туманных, беспредельно-криминальных девяностых в Москву откуда-то оттуда, куда «Макар телят не гонял», и, сумев сколотить кое-какие денежки на сыгравшем в определённой мере роль палочки-выручалочки для многих временно находящихся не у дел людей «гербалайфовском» поприще, «Сердечный-Доброделов» приобрёл через активно орудующих на рынке недвижимости чёрных маклеров по сходной цене комнатёнку в убогонькой коммунальной квартирке на несколько хозяев с автоматическим получением легитимной столичной прописки. После чего окончательно и бесповоротно вычеркнул из жизни всю свою ненужную ему теперь весьма мутную домосковскую биографию. Купив несколько приличных костюмов, основательно обновив остальной гардероб, не будучи при этом яркой индивидуальностью, «мэтр» скоро, однако, умудрился изыскать пути на некоторые высокоуровневые так называемые тусовки. В «великосветском» общении пообвыкся, освоился, и со временем стал выглядеть как популярный киноактёр с открытки оттепельных советских времён.

На одной из таких великосветских вечеринок-тусовок на неплохо одетого, сдержанного в манерах, без малейших признаков искусственности и привычно-обычного для тех кру-

гов притворного доброжелательства в виде «приклеенной» улыбки осанистого мужчину средних лет обратила внимание стареющая богатая дама – вдова известного в свои времена в своих кругах воротилы многих видов бизнеса, большая часть которых до Перестройки в Советском Союзе относилась к категории «расстрельных» согласно соответствующим статьям уголовных кодексов большинства братских республик.

А почему нет? – практично-благоразумно решил «Сердечный-Доброделов» и... преподнеся даме не очень большой, но изысканный букет, главным компонентом которого была грациозная орхидея, сделал предложение, которое, после недолгого, – скорее для внешнего приличия, –раздумья было благосклонно принято. Теперь, так удачно женившись, он материально никак не нуждался, но... чем чёрт не шутит даже в сверхблагополучном в этом отношении браке – а вдруг на склоне лет старухе с её возрастным маразмом взбредёт в голову что-то неправильное по поводу наследования её немалого имущества – подстраховаться «мэтр» всё же не забыл. С некоторых пор его паспортная фамилия стала красоваться в первых строках списков российских дистрибьюторов сетевой системы доктора Ли. А уж потом, «под ним» – Моськины, Дроботов и им подобные, под которыми, в свою очередь, подписаны десятки и, наверное, на сегодня многие сотни других, с заработка каждого из которых вышестоящим «лидерам» отчисляются бонусные очки-вознаграждения. А

это значит, что пока нижестоящие продолжают хоть как-то работать (слава Богу поколение Дроботова трудится активно и, чувствуется, темпов снижать не собирается), голод верхушке этой своеобразной пирамиды («пирамиды» – в лучшем, конечно, смысле) не грозит. Худо-бедно, десятков-другой тысяч зелёных в месяц капает и капает. Правда, простоватый во многом китаец оказался кое в чём ушлым дельцом, собака, и не деньгами за развитие его сети рассчитывается, а исключительно товаром, который ещё и продать надо, но на то и вряд ли менее ушлые Антоша Дроботов со товарищи...

– Сегодня друг мой Антон наглядно показал, что достиг того уровня ведения бизнеса, когда даже логически вроде бы исключительно правильные в отношении первичной выгоды тактические соображения безоговорочно уступают место настоящей стратегии. Примитивно-банальное «урвать хоть сколько, но прямо сейчас» для таких созревших мастеров своего дела, как он, уже позади. Если доктор Дроботов легко поступился двумя-тремя тысячами долларов, просчитав, что через неделю возьмёт с этого же клиента намного больше с перспективой благополучно доить его если не всю оставшуюся жизнь (хотя и такое не исключено), то, во всяком случае, очень и очень долго, значит, он имеет неоспоримое право называться стратегом в своём деле. И, могу поручиться, завтра он будет способен на ещё более мудрые, может быть мало кому сразу понятные шаги. Шаги, которые, в этом нет

никаких сомнений, принесут и дивиденды, для средних умов просто непостижимые. Пью за интеллект и дальновидность, квалификацию и интуицию Антона!

– Третий сегодняшний бокал, – после того, как всё застолье дружно выпило, с аппетитом смачно закусило и, перебывая друг друга, выразило каждый по своему в словах, но одинаково пылко в эмоциях восторг и уважение к первым двум героям дня, тостующий «мэтр» вышел из-за своего места, приблизился к пышноволосой манекенообразной Ольге Богдановне и нежно приобнял её свободной от фужера рукой за пухленькое оголённое плечико, – мне хотелось бы предложить выпить вот за эту сладкую парочку, так влюблённо воркующую сейчас, после славного трудового дня.

Оля, Миша! Как вы удачно дополняете друг друга, в чём, безусловно, виноват, заключаю слово «виноват», конечно же, в кавычки, наш с вами Салон восточной медицины. Ведь именно здесь родился ваш такой прекрасный, пусть пока гражданский, – ЗАГС никуда не уйдёт, – но без сомнений крепчайший и высоко результативный союз двух сердец, и одновременно с ним остроумно сочинился ваш замечательнейшим образом подходящий рекламный псевдоним «супруги Неразлейвода». Молодцы! Оля – супер-оратор и супер-вербовщик на презентациях, легко обращающий в нашу веру массу энтузиастов на первоначальном этапе, супер-спец по скоростному, так чтобы рекрут не успевал опомниться,

заключению дистрибьюторских контрактов. Миша, когда-то скромный провинциальный парикмахер – теперь проявил себя талантливым аналитиком-маркетологом и добился впечатляющих результатов в построении сетевой структуры. Результатов, позволяющих всем нам иметь сегодня недурной дополнительный приварок на ежемесячных бонусных вознаграждениях от уважаемого доктора Ли.

Да-а, милые мои единомышленники... сеть построить – это тебе не щи сварить. Причём сеть не простую, а в полном смысле слова золотую, эффективную и, в общем, пока стабильную. Миша первым в Москве, а может, даже, и в мире дотумкал, хотя и отсутствующие здесь братья Моськины пытаются присвоить себе пальму первенства в этом замечательном изобретении, чтобы охрана на входе в салон в обязательном порядке забирала у каждого посетителя на время его обслуживания паспорт, якобы для регистрации в книге приёма и внесения данных в амбулаторную карту, и тут же быстренько делала в отдельной комнате ксерокопию. Чтобы потом тихо-спокойненько оформлять всех этих людишек дистрибьюторами. И действия эти распространены теперь на паспорта не только клиентов, но и как нанимающихся на временную работу сторонних, так и наших «родных» расклейщиков листовок – будущих реальных дистрибьюторов. Здорово! Какой охват! В конечном итоге и доктор Ли доволен, что в России его дистрибьюторская сеть растёт как на дрожжах, и нам, то есть вам, ребята (я-то по семейным обстоя-

тельствам давно уже от этих повседневных дел отошёл), спокойнее. Те рекордные объёмы препаратов, которые вы сейчас так успешно сбегиваете богатым толстякам и их недалёким подругам, оформляются, благодаря изобретению Мишеньки, через огромную призрачную сеть продавцов и в их же, толстяков, лице. Как думает наивный наш китаец, якобы – через потребителей-одиночек, а не через салон, то есть организацию, которой тоже как бы и нет. А её и на самом деле юридически нет, ни по каким документам. В рекламе же все мы с вами – под псевдонимами, каждый из которых – шедевр словесности и образец остроумия.

И главное – проверять тут что-либо бесполезно, хоть расшибись. Захотят китайцы или какие-нибудь наши надзорно-контролирующие, а пусть даже и силовые структуры просечь истинную степень реальности дистрибьюторской сети, пробьют, если не поленятся, хоть весь огромный список через базы данных паспортных служб, а здесь всё в ажуре – сеть на подлинных документах живых людей построена. Что и требовалось...

Так что, этот мой тост за вас, Миша, Оля! А насчёт «Мерседеса», ты эту фишку, Оленька, ну просто офигенно придумала. Пусть народ возмечтает. Наивных рабов на массовое распространение такой дармовой рекламы как листовки нам ещё мно-о-го понадобится. Искренне рад, что уроки мои не пропали даром.

Ольга Богдановна, пригубляя шампанское после толь-

ко что лихо выпитой рюмки водки, нервно поёжилась под приторно-мягким поглаживанием её плеча потной дланью «Сердечного-Доброделова». В памяти во всех отвратительно-тошнотворных подробностях поплыли некоторые фрагменты «уроков мэтра», преподававшего дошедшей до голодных обмороков и уже готовой на всё ради хоть какого-то заработка оставшейся в ходе Перестройки не у дел глубоко провинциальной дипломированной массовичке-затейнице – отчаявшейся искательнице столичного бизнес-успеха, или хотя бы хорошего прокорма, курс «избавления от комплексов как главного препятствия в достижении цели». Камасутра¹⁸ зарыдала бы от обиды за свою примитивность по сравнению с теми «уроками».

Не менее, а наверное даже более омерзительными были некоторые, того же плана, уроки ещё одного «мудрого учителя жизни» из той же когорты – Владилена Владиленовича Моськина, рекламирующегося в газетах и журналах под броским псевдонимом «Золоторуков», в дистрибьюторскую группу которого по рекомендации «мэтра Сердечного-Доброделова» была подписана Ольга, и который являлся фактическим автором её биографии-легенды с выпадающими волосами и ногтями. Но деваться ей тогда было некуда. Дошедшей до состояния, когда за полсотни долларов она, истерично заявляя в узком кругу об этом вслух, готова была убить

¹⁸ Древнеиндийский научно-практический трактат об искусстве плотской любви

любого встречного, ей эти гении сетевого маркетинга сумели, под залог её тела и паспорта, дать заработать, закупая для продажи в розницу оптовые партии препаратов доктора Ли через знакомые им кредитующие структуры так, что реально выходить из этой кабалы начала только теперь, спустя многие месяцы после такого, как казалось, сверхудачного знакомства.

– Следующий бокал с превеликим удовольствием приглашаю всех поднять ещё за одну сладкую парочку – Тарасика и Оксану, как и Оленька с Мишой удачно познакомившихся в нашем салоне, и так же счастливо дополняющих друг друга на общем уверенном пути к успеху! – «мэтр» со вновь наполненным, он уже и сам не помнил, чем именно, фужером в одной руке, другою обнял и поцеловал в щёчку относительно молодую, относительно стройную брюнетку, сидевшую бок о бок с тем самым Поросёнком, который достиг на нынешний день регулярного месячного заработка в «три штукаря баксов», но и буквально сегодня этот результат опрокинул в один приём, на редкость удачно обслужив супружескую пару таких же, как и он, толстячков-диабетиков, специально приехавшую по журнальной VIP-рекламе в Москву с далёкого, но не безденежного дальневосточья. – Телефонная обработка Тарасом Тихомировичем своей клиентуры неподражаема, как бы ни тужились претендующие на первенство ещё и в этом деле опять же отсутствующие сейчас Владя и Вова Моськины. Это поистине профессорские консультации.

Одни только будто бы между делом, вскользь, рассуждения о гипоталамусе как участке коры головного мозга, отвечающем за аппетит человека, чего стоят!.. Есть ли такой участок в анатомии на самом деле, и отвечает ли он за что-нибудь подобное – дело пятое. Главное – эффект! Денежные, но недалекие бандитские шлюшки, желающие модно и неординарно похудеть на очередные полкило, просто обалдевают от подобной терминологии, и проникаются истинным уважением к заведению. Молодец, Тарас! Остаётся, правда, тебе, голубчику, либо самому хорошенечко похудеть в пику тем же прячущим свои образины от клиентских глаз господам Моськиным, либо полностью, а не частично, как сейчас, делегировать непосредственный процесс продаж своей милой, куда более стройной, чем ты сам, половинке Оксане. И – дело сделано, семейный ваш подряд, как и у Оли с Мишей, пойдёт так, что недоброжелатели лопнут от зависти. Пью за семейные успехи в нашем уникальном бизнесе!

В очередной раз дружно выпили, закусили, загалдели, поздравляя тостуемых с успехами.

– Ну, а теперь пора поздравить с первым самостоятельным коммерческим успехом и вот этих прекрасных дебютанток! – глаза «мэтра» обрели особо маслянистый блеск с мечтательной поволокой: уж больно хороши были обе разновозрастные, правда, но чем-то очень похожие одна на другую «дебютантки переднего края перспективнейшего и уникального бизнеса». Хороши настолько, что сексуально совращать

их, как многих прочих материально зависимых мигранток по укоренившейся привычке сходу, в начале совместной работы в салоне не рискнул ни один из лидеров сети – ну, просто не может быть, чтобы за спиной таких красоток, хоть и приезжих и, по рассказам, не менее проблемных в житейском плане чем все остальные дистрибьюторы доктора Ли, совсем уж никто не стоял. И за совращение которых, особенно младшенькой – семнадцатилетней девственницы Олеси не пришлось бы перед кем-то строго, может быть даже жестоко ответить. Нет, не перед законом, о котором тут и речи нет – ну какой московский правоохранитель бесплатно ударит палец о палец, чтобы заступиться за приезжих безденежных девчонок, да ещё и выходцев из так называемого ближнего зарубежья, не имеющих ни российского гражданства, ни регистрации по месту временного проживания в Москве? Правоохранитель-то никакой, это ясно, а вот если этих красавиц каким-то образом курируют или опекают, не дай Бог, «брatаны» из криминальных структур – тут очень легко остаться как минимум без того органа, который, по терминологии Тараса-Поросёнка, является «участком мужского организма, отвечающим за воспроизведение вида», то есть попросту за детородную функцию. Кто-то в салоне заикался, что девчата (сами-то о себе они не особо много рассказывают) – из одной деревни, двоюродные или троюродные, а может даже и родные сёстры. Старшая, Марина, оставила дома семью – крепко выпивающего безработного мужа и, на попе-

чении старушки-матери, двоих своих малолетних детишек, ради которых и старалась теперь заработать побольше денег. Младшая, Олеся, подалась в Москву с менее земной, поистине возвышенной целью: заработать на лечение израненного на военной службе в «горячих точках» жениха-солдатика, пока ещё находящегося в госпитале, но вскоре подлежащего досрочной демобилизации подчистую ввиду тяжести ранения. А после – и на свадьбу.

Правда, этот плюющийся на всё святое и даже на предполагаемые опасности подонок Владилен Моськин подбирается к подписанным в сети под ним красавицам-дистрибьюторам всё плотнее, суля «тёмным провинциалкам» сногшибательные заработки, способные быстро снять все их проблемы. И не мешало бы как-то пресечь его пошлые поползновения. Или... хотя бы опередить... ох, как хороши девчонки!..

– Сегодня Марина и Олеся, работая в паре, сделали свою первую самостоятельную продажу, – продолжил прервавшийся из-за минутной задумчивости «мэтр», – и продажу для дебюта на редкость хорошую, больше чем на штуку баксов, пardon – тысячу долларов. Клиент выложил эти денежки уважительно, как настоящим докторам, вернее докторше и ассистентке. А почему, как вы думаете? Чтоб с первого раза и – на, тебе! Так вот, девчата постарались и сумели показать себя и своё заведение наисерьёзнейшим образом. В первую очередь, конечно, благодаря врождённой добросовестности, но главное всё же, как мне сдаётся, – потому, что цель у них

благородная со всех сторон. А перед младшей, Олесенькой (оратор проглотил слюну) я бы вообще шапку снял, не в обиду старшей, Марине. Хранить любовь и верность, несмотря ни на какие трудности, бойцу – защитнику Родины, так жестоко пострадавшему и надеющемуся на любовь, с которой его встретят, и которая, даст Бог, возродит его к активной жизни быстрее и надёжнее, чем все пилюли, уколы и прочие медицинские процедуры. Так выпьем же за верную и неугасимую любовь, живой пример которой вот он, перед нами! И – за высочайшую ответственность перед детьми, пример которой показывает нам старшая напарница Олеси Марина! Ваши, девчонки, денежные переводы, сделанные сегодня домой, морально-нравственно куда весомее номинальной их суммы. Это – жизнь для ваших близких.

«Мэтр», расчувствовавшись, пустил сентиментальную слезу и, за отсутствием в карманах носового платка, с доброй улыбкой утирал лицо взятой со стола салфеткой, пока все остальные участники застолья бурно выражали свои дружеские чувства, чокаясь, обнимаясь и целуясь с тостуемыми красавицами.

Дождавшись относительной тишины, ответное слово с благосклонно позволяющего кивка «мэтра» взял самый трезвый и спокойный участник застолья Антон Дроботов:

– Алаверды¹⁹! Все мы бесконечно благодарны нашим на-

¹⁹ Букв. перевод – *Богом данный или дай Бог*: **allah** – Бог, Аллах (араб. яз.), **verdi** – *давать, дать* (турецк. яз.); в кавказских и русскоязычных застольях ис-

ставникам – старшим, более опытным и искушённым в борьбе за существование и место под солнцем товарищам. Благодарны в первую очередь за тот блестящий, без преувеличения, шанс, который, на грани отчаяния каждый от своих житейских неурядиц, получили мы благодаря судьбоносному знакомству с ними. Они не просто приобщили нас в трудный момент к спасительному сверхрентабельному и, что особенно важно, практически бескриминальному бизнесу, но ещё и с величайшей доброжелательностью, не злясь на нас за наши ошибки, а иногда и на нашу прямую бестолковость, продолжают день за днём методично и целенаправленно обучать и науке выживания в целом в это сложное время, и науке зарабатывать хорошие деньги на добрых делах. Ну, разве это не добро – отучать от пошлого обжорства одного за другим наших разбогатевших кто на чём соотечественников, и при этом попутно отучать мировое общественное мнение от расхожих представлений, что ежели современный русский бизнесмен богат, то обязательно – с брюхом полутораметрового обхвата? Тогда как состоятельные люди цивилизованного мира – как правило, стройные, спортивного телосложения джентльмены.

– На секундочку всего вмещаюсь, вставлю словечко в твою речь, Антоша, можно? – мягко попросил «мэтр». – Взгля-

пользуется как «разрешите встречный тост», «разрешите добавить к сказанному» или как делегирование тостующим (тамадой – распорядителем застолья) дальнейшей речи любому другому на его выбор участнику праздника

ните, пожалуйста, на красавца Антона Дроботова! Вот оно, живое олицетворение, как должен выглядеть представитель успешного бизнеса. С такой внешностью не стыдно предстать в любом преуспевающем сообществе, хоть на самом высоком уровне. Это я ещё и в порядке упрёка отсутствующим сейчас господам Моськиным говорю. Не понимают пузатые, как, простите, беременные жабы, братья Владиленовичи, что богатство олицетворяется вовсе не в весе и объёмах тела, не в количестве подкожного жира, хотя других пытаются воспитывать относительно здорового образа жизни. С себя надо начинать, дорогие коллеги. С себя! Ну, продолжай, Антон.

– Да, раз уж заговорили о некоторых наших, не последних, между прочим, по рангу и заработкам коллегам, скажу, – продолжил Дроботов своё «алаверды», – что, при всём моём уважении к упомянутым Владилену и Владимиру, корпоративный дух с их стороны подхрамывает. И хотелось бы видеть в этих неглупых, в общем-то, людях более близких единомышленников. А то, участившиеся в последнее время упоминания в рекламе Владилена Владиленовича о «стремительно и неудержимо растущих полчищах желающих подзаработать на человеческом здоровье самозванцев с сомнительной образованностью, которые берутся лечить людей, а в итоге наносят им непоправимый вред», начинают уже раздражать. А его пламенные призывы обращаться в связи с этим отныне и присно и во веки веков «за квалифициро-

ванной помощью не к кому попало, а желательнее всего к лучшему в мире специалисту, автору эксклюзивных методик и программ комфортного снижения веса, доктору медицинских наук, академику Золоторукову», то есть к нему, Моськину, и никому иному, уже наталкивают на кое-какие кардинальные выводы. Нельзя так. Все мы с вами по сути такие же «академики», как и этот, не раз судимый за мошенничество, ремонтник мясокомбинатских и продуктово-магазинных холодильников, и разнимся между собой лишь в опыте работы, да степени коммерческой удачливости. Так что, если кидать камни в огороды соседей с целью переманивания клиента – по меньшей мере неэтично вообще, то в нашем случае это тем более мерзко.

– Точно, Антон, гниды ничтожные эти Моськины, особенно старший, Владилен! – понеслись с разных концов стола гневные реплики участников ужина. – Опустить их ниже городской канализации! Или пусть повинную ставят на стол, покаются перед коллективом и прекращают гнать эту гнилую волну!

– И за скупку и перепродажу просроченных препаратов с перебитыми штрих-кодами пусть ответят, фармацевты грёбаные!

– И за домогательства к девчонкам! Марина и Олеся, чего молчите?

– Ладно, Марина взрослая и муж её давно объелся груш, алконавт деревенский. Но, Олеска – это же... святыня на-

ша!

VI

А Владилен Владиленович Моськин, в паре со своим младшим братом «супер-фармакологом из секретного НИИ» Владимиром (оба облачены в белоснежные накрахмаленные врачебные халаты с вышитыми китайскими иероглифами на нагрудных карманах), преспокойно проводил в это время вступительный «мастер-класс» с группой завербованных на сегодняшней утренней презентации новичков-дистрибьюторов.

Основная часть занятия, после краткого экскурса младшего – «сотрудника института стратегических...» и так далее разработок в ассортимент и назначение «уникальных» препаратов доктора Ли, была посвящена основе основ, важнейшему из рычагов успеха в привлечении клюнувших на рекламу клиентов – телефонной их обработке.

Дав брату высказаться по его любимой и, честно говоря, единственной более-менее сносно освоенной теме в этом непростом бизнесе, и переключив телефон на громкую связь, чтобы предстоящий диалог был слышан всем, Владилен Моськин отметил галочкой в рабочей тетради одну из зафиксированных диспетчерами фамилий, солидно прокашлялся и, сняв трубку, набрал номер.

– Алло! Могу я поговорить с госпожой Циммерман?

– Я слушаю вас, – ответил аппарат мягким, но уверенным

в себе женским голосом.

– Нонна Яковлевна, добрый вечер! С вами говорит академик древнекитайской медицины доктор Золоторуков. Он самый, лично. Да-да, Владилен Владиленович. Да, на Цветном бульваре. Нонна Яковлевна, скажите пожалуйста, вы обращались в регистратуру Салона восточной медицины по поводу здоровья и коррекции веса? Очень хорошо. Ваш звонок подробно зафиксирован и передан мне, его содержание мною внимательно изучено. Вы готовы получить предварительную телефонную консультацию прямо сейчас? Прекрасно. Тогда, разрешите задать вам несколько необходимых вопросов? Спасибо, Нонна Яковлевна! Я записываю...

Моськин многозначительно оглядел присутствующих: дескать, вникайте, пока я жив, в технику расположения к себе клиента с первых же слов – исключительная доброжелательность в тоне, максимально частое произношение вслух любимого для большинства людей их собственного имени, искренняя заинтересованность состоянием здоровья собеседника, и никакого давления, никакой поспешности. Зрелого возраста материально обеспеченные дамы нередко обожают порассуждать с чутким слушателем о своих женских проблемах.

– Скажите, Нонна Яковлевна, а из каких источников вы узнали о нашем заведении и его услугах?

– В театральном кафе на стойке при входе случайно взяла в руки понравившийся мне журнал с красивой обложкой, в

нём и наткнулась на вашу рекламу. Телефон, указанный там, записала, а сам журнал таскать с собой не стала – толстым и тяжеловатым для моей сумочки оказался, – был ответ по громкой связи.

– Случайно, не «Караван историй»?

– Ой, не помню. Вы уж извините.

– Ничего страшного, Нонна Яковлевна! Просто о нашем Салоне хорошо

пишут очень многие. Прочитать интересные статьи о нас вы могли и в журнале «Здоровье», и в «Красоте и здоровье», и в «Женском здоровье», и в «Образе жизни», и в «Бьюти», и в замечательном чисто дамском издании «Она», и в журнале правительственного уровня для важных персон «VIP-премьер», и в самых разных газетах...

– Что ж, репутация, значит, у вас есть. Такую широкую дорогостоящую популяризацию в стольких известных изданиях может себе позволить только действительно солидная, стабильно процветающая компания.

– Ну, без ложной скромности доложу вам, что моими персональными пациентами, – конфиденциально, конечно, только для серьёзных людей информация – являются популярные в стране личности. Буквально сегодня принял одного из первых советских космонавтов, дважды Героя, известную и уважаемую во всём мире личность.

– Понимаю... поэтому и не спрашиваю фамилий.

– Нет, ну вам-то я мог бы кое-кого назвать, чувствую, вы

человек воспитанный и вряд ли способны судачить направо и налево обо всём услышанном. Так вот, если в театральных кафе бываете, то, может, с кем-то из них и знакомы. А рассказать о результатах посещения нашего салона вам могли бы практически все суперзвезды отечественной эстрады и центрального телевидения – певцы, танцоры, музыканты, конференсье, ведущие и так далее...

Все поголовно новобранцы-дистрибьюторы с благоговением внимали «академику», не смея шелохнуться, дабы не помешать священнодействию. Столь талантливое обхаживание потенциального клиента, да ещё на расстоянии, по телефону, лицезрели они воочию, похоже, впервые. Так нагло и красиво врать – это надо уметь. Кому-то вспомнились слова из выступления Моськина на презентации о том, что чем невероятнее и чудовищнее ложь, тем она успешнее доходит до сердец людей. Ну и ну!..

– Но это я так, к слову, Нонн Яковлевна, – словно спохватившись, построжел в интонации Моськин. – Давайте-ка поближе к нашему с вами насущному. Итак, ваш рост, вес и сколько вам полных лет? Хорошо. В каком весе чувствовали себя наиболее комфортно? С какого момента начался дискомфорт? Были ли роды? Дважды? Прекрасно. В каких частях тела наибольшая предрасположенность к полноте? Выше пояса, ниже? Образ жизни, режим питания?

Тут Моськин ещё раз оглядел притихших «рекрутов» и поднял указательный палец вверх, что даже для слабоум-

ного слушателя понять было бы проще простого: внимание! Идёт вычисление уровня благосостояния, а значит и платежеспособности клиента.

– Род ваших занятий, Нонн Яковлевна? Длительность обычного рабочего дня? Способ передвижения по городу? Примерный объём потребляемой в сутки жидкости всех видов? Так, понятно. Обычная и типичная для делового человека история: день пролетает как минута, с перехватом нескольких чашечек кофе, в лучшем случае с бутербродиками, на бегу; а поздно вечером, ближе к полуночи – обстоятельный обильный высококалорийный ужин, наверняка с рюмочкой.

– С бокалом хорошего вина...

– Вот-вот! А там – непродуктивный тяжёлый сон, трудное пробуждение, проблемы со стулом... плюс ко всему, простите, обычное в этом возрастном диапазоне предклимаксное состояние. И, в итоге – неконтролируемые колебания в весе...

– В общем, всё так. Кроме того, что по женской линии. Здесь, тьфу-тьфу, видимо наследственная здоровая основа – и у моей мамы, и у меня все мужчины были, а у меня пока, слава Богу, и сейчас, значительно более молодые, чем мы сами. И хотелось бы продлить это состояние как можно дольше. Вы хорошо рекламируете в журнале, который я успела просмотреть, некий женский препарат под названием что-то вроде «Жемчужина красоты»...

– Да-а... это потрясающе эффективное средство... Очень хорошо, Нонна Яковлевна, что вы обратились именно к нам, и так своевременно, пока не возникло необратимых проблем и всё можно относительно быстро направить в нужное русло, если постараться и чётко следовать нашим рекомендациям... – Моськин, несколько расслабившись, развалился в кресле, вытирая платком пот со лба. Главное выяснено: пациент – деловая дама, бизнесмен с достатком. И очень озабочена своей женственностью. Есть шанс хорошо заработать на ней. А значит, и есть смысл поднапрячься и вытаскивать её на непосредственный контакт, на встречу и обслуживание здесь, в салоне. И опять же, такое удачное начало в присутствии учеников прибавит ему и частичку авторитета среди них.

– При всём моем уважении к вашей занятости, Нонна Яковлевна, в какой

из дней этой недели, пока я не уехал в Пекин на симпозиум, и в какой – первой или второй – половине этого дня вы могли бы уделить немного времени посещению нашего салона? – продолжил Моськин, ловко расставляя вопросы, уводящие собеседника от возможности немедленного безапелляционного ответа «нет». Логичнее в такую беседу вписывался вынужденный выбор – «нет, не сегодня, лучше завтра; удобнее утром, вечером не могу», и так далее. – Лично я принимаю, ввиду ещё и огромной научно-преподавательской занятости, за редкими исключениями для особо слож-

ных случаев или особо важных пациентов, только по субботам в первой половине дня. Но, лучшие мои ассистенты – как правило, не ниже чем кандидаты наук...

– А-а... персонально... прямо к вам, Владилен Владилевич, в будний день, никак? В вечернее, желательно, время?.. – в голосе собеседницы мелькнули просительные нотки. – А то, днём я всегда слишком занята, ну а в выходные с семьёй на даче обычно. Внучатки, понимаете ли...

– Хм-м, по голосу никак не подумаешь, что у вас уже внуки. Очень уж молодо и женственно звучит, – примитивный, но беспроигрышный комплимент Моськина прозвучал так естественно, будто он и не записывал только что, сколько «полных лет» его пациентке, и не зондировал в целях максимально полного анамнеза её предклимаксное состояние как одну из

вероятных ещё и возрастных причин весового дисбаланса.

– Насчёт «молодо» не знаю, со стороны виднее, вернее – слышнее, а по поводу «женственно»... что есть, то есть, имеется, простите, такой грешок, до сих пор любвеобильная я девушка, так сказать. Будучи пташкой изначально ранней, ещё до совершеннолетия замуж вышла и сразу родила дочек одну за другой. Потому, наверное, и полнеть начала. А они тоже все в мать. И замуж рано повыскакивали, и жизнь не голодная у обеих – мужья состоятельные достались, худенькими-стройненькими тут сложно было сохраниться. И

каждая по крепкому, упитанному внуку мне подарила, когда «бабушке» самой-то ещё гулять да гулять. Вот, обслужусь приятно-полезно у вас, и полнеющих дочек своих с их детками приведу...

– Сложно, конечно, перекраивать рабочий график, но-о...

– Моськин с победным взглядом в сторону слушателей-учеников удовлетворённо качнул головой: «клюнула жирненькая рыбка! Да плюс и мальков своих таких же не тощих может до кучи подбросить. Хорошо!» Но в голосе его ничего не изменилось – сообщение о дочках и внуках, как возможных дополнительных пациентах, было будто бы пропущено мимо ушей.

И Моськин заботливым тоном продолжил беседу по хорошо отработанной стандартной методе:

– Нонна Яковлевна, скажите, вы отпуска проводите не в санаториях? Это я к тому, что хоть поверхностные, да проходите периодически обследования? Нет? Совсем?! Ай-яй-яй! – Моськин сиял от радости: клиент – дилетантка в медицине, и профессиональных разоблачений с её стороны можно не очень опасаться. – Все в жизни отпуска посвятили исключительно путешествиям? Как почти не отдыхающий человек могу вам только позавидовать. Белой, конечно, завистью. И вдвойне позавидовать, опять же самой светлой завистью, вам как человеку, не имеющему необходимости поиска излишних контактов со здравоохранением. Значит – в вас генетически в целом, а не только в плане гинекологии, зало-

жена здоровая основа. А некоторая полнота

– не трагедия, справимся.

– Надеюсь...

– Ну, а хотя бы у эндокринолога бывали когда-нибудь? Я на предмет обследования щитовидной железы, в наше время считающейся массово-проблемным органом – нехватка йода в питьевой воде, то да сё... Как зачем? Так это же своеобразный бригадир всех желез внутренней секреции человеческого организма! Гормон «тэ три», о влиянии которого на обмен веществ написаны целые тома, вырабатывается именно этой железой...

– Нет, доктор, Бог миловал как-то.

– Нонн Яковлевн, а на сколько конкретно килограммов вы хотели бы похудеть? На восемь-десять для начала?.. Ну, для наших методик это не вопрос! Но я не хочу, чтобы вы испытывали хоть какие-то неудобства в процессе реактивного снижения веса. И для поиска наиболее комфортных путей этого снижения настойчиво рекомендовал бы для начала пройти у нас же спец-диагностику. Это экспресс-метод на основе лучших мировых достижений. Совершенно безболезненно и удобно, как сказано в наших публикациях по теме. Садитесь в уютное кресло, надеваете наушники, берёте в руку клеммочку, расслабленно отвечаете на ненавязчивые уточняющие вопросы оператора-дигноста, и не более как через полчаса компьютер выдаст вам все подробности о состоянии вашего бесценного здоровья. Исходя из этого диагно-

за и будем определять оптимальные варианты нашего с вами сотрудничества. Что?.. Да-да, именно сотрудничества. Ведь мы общими усилиями должны вернуть вам ощущение счастья молодости. А в успехе лично я нисколько не сомневаюсь.

– Вы меня заражаете вашим оптимизмом.

– Знаете, Нонн Яковлевна, признаюсь вам откровенно, в голосе вашем я с самого начала почувствовал незаурядность личности, а с умным человеком всегда приятно и общаться, и работать. А когда, в свою очередь, приятно работается, результат, вы это как бизнесмен лучше меня знаете, всегда выше.

– Вы, доктор, абсолютно правы насчёт результата от приятности.

– Так на первую или вторую половину и какого дня этой недели вас всё-

таки записывать? Есть тут небольшое окошечко у моего заместителя, в пятницу ближе к вечеру, или прошу всё-таки пожаловать лично ко мне в субботу от двенадцати, скажем, до четырнадцати ноль-ноль. Пациентов в салоне в этот день обычно меньше чем в будни, и можно будет не торопиться, поработать пообстоятельнее. Вот, смотрю между делом график и занятость антицеллюлитного массажиста – по субботам и у него, как и у других специалистов, тоже немного свободнее. Так и есть. Актуально? Ну, вот видите... Хорошо, записываю на субботу к себе, если никаких форс-мажоров не

приключится. Сами понимаете, профессор медицины – человек не всегда собой располагающий... Да-да, конечно, и на массаж запишем. Вы каким транспортом будете добираться? Ах, да, вы уже говорили, что, как самодостаточная женщина, передвигаетесь по городу сами за рулём. Одни плюсы! Тогда, вот точный адрес... да, если по Бульварному кольцу, то...

– Не волнуйтесь, доктор, я хорошо знаю город. Как-никак коренная москвичка.

– Отлично! Тоже приятное совпадение – мы с вами, оказывается, оба коренные, одной, можно сказать, крови, в отличие от многих и многих наводнивших столицу случайных людей. Об исторических красотах и ценностях старой Москвы можно говорить бесконечно, но, вернемся к насущному. Стоимость наших услуг в вашем случае будет колебаться от тысячи пятисот долларов до... Что, не имеет значения? Нет, Нонн Яковлевна, мы обязаны предупредить пациента, расшифровывая содержащуюся в нашей рекламе информацию насчёт «дорого»... Ну, не знаю, как для людей крупного бизнеса, а для нас, докторов, те же тысяча пятьсот, к примеру, долларов – заоблачное понятие, и поэтому сами у себя пациентами редко бываем. А насчёт цен на услуги в нашем заведении, это если сравнить, кто на чём предпочитает ездить. Ручной сборки «Роллс-Ройс» ну, никак не может продаваться по цене конвейерного «Запорожца». У вас, говорите, «Бэнтли»? И «Рандж Ровер» с охраной? Чудесно! Обожаю британский стиль! Вот видите, насколько наши

с вами, как у людей классического столичного воспитания, представления и даже вкусы сходятся... Сроки? На отдых в бархатный сезон хотите успеть при полном параде? Проблематично... но... если сильно постараться... Хорошо, Нонн Яковлевн. Нет-нет, никаких повышенных гонораров! Сделаем всё возможное согласно официальным расценкам с максимальной, но не во вред здоровью, интенсификацией процесса. Репутация заведения дороже лишних денег. Нет, это вам спасибо... Всегда приятно, когда человек понимает, чего он хочет, и в какую сумму это может вылиться. До встречи в субботу! Всего доброго... Уф-ф!

Моськин, положив трубку, некоторое время сидел, отдуваясь и молча, исподлобья изучая реакцию учеников. Те были в восторге. Вот это работа мастера! Туго знает свое дело Владилен Владиленович! Не одну «штуковину» баксов вытянет он у богачки, с которой так профессионально только что побеседовал. Вот нам бы так когда-нибудь! Но, до этой квалификации подняться непросто. Надо долго и упорно тренироваться, вырабатывать в себе нужные для дела качества.

– Вот вам, дорогие мои кандидаты в мастера-диетологи, и те реальные десять-пятнадцать тысяч долларов чистого заработка в месяц, о которых я говорил на нашей с вами первой встрече. Прикиньте, что если эта дама раскошелится всего лишь на тысячёнку, да другая такая же... а их у меня ежедневно проходит несколько человек, то сколько может набе-

жать в целом. Хотя, день на день не приходится, бывают и нечастые, правда, но «разгрузочные» дни. Ну, естественно, минус себестоимость препаратов, оплата своей доли аренды этого офиса, услуг телефонных операторов, расклейщиков листовок, ассистенток, компьютерных диагностов, массажистов, иглоукалывателей и так далее, а также самой дорогостоящей нашей расходной статьи – рекламы. Ещё некоторые непредвиденные затраты... И всё равно в итоге неплохое сальдо вырисовывается. Но, уважаемые, чтобы выйти на такой уровень, надобно какое-то время изрядно попотеть. По принципу «тяжело в ученье – легко в бою». И в первую очередь – железная самодисциплина. Никто не будет заставлять вас что-то делать.

Только – советы и рекомендации. А там уж думайте сами...

– Поначалу используйте каждую свободную минуту для тщательнейшего изучения ассортимента продукции доктора Ли, – присоединился к разговору с ремаркой по своей любимой тематике Моськин-младший. – Чтобы знали состав препаратов и их воздействие на организм как «Отче наш». Да, об организме. Естественно, анатомию придётся вспомнить как минимум на уровне оценки «отлично» по школьной программе. И чтобы такие термины как «перистальтика кишечника», например, не путали с дисбактериозом и тому подобным. Прежде чем будете допущены к самостоятельному обслуживанию пациентов, пройдёте кучу тренингов с зачёта-

ми. С подходом с нашей, наставнической, стороны наистрожайшим. Репутация заведения и святая цель зарабатывать достойные деньги того стоят.

– И, в ходе прохождения теоретического курса с одновременным зарабатыванием на первых порах небольших денег, – опять взял слово Владилен Владиленович, – подумайте хорошенько каждый, какой лучше для себя путь избрать после обучения. Торопиться начать самостоятельно обслуживать клиентуру, – правильное здесь звучит термин «пациентов», – и, рискуя, иметь в итоге сколько получится, если получится вообще... или же не спеша, не жадничая, методично, регулярно получать на первых порах доходы поскромнее, но более верные. Например – на листовках. Там достаточно высокая вероятность того, что хоть какая-то денежка, да упадёт раз в несколько дней «на зубок». Закон больших чисел ещё никто не отменял: по статистике с десяти тысяч добросовестно распространённых листовок до десятка потенциальных клиентов получите, из них реальных – два-три. Ваш наставник их квалифицированно обслужит и половину прибыли за вычетом издержек, как положено, отдаст вам. Ну, и за ассистирование, то есть присутствие на приёме пациента, желательно в белом халате (я подскажу где можно купить его всего за десятку долларов), с умным видом конспектируя разговор «шефа» с пациентом, гарантированные десять процентов от вырученной суммы без всяких вычетов кладёте спокойненько в карман. А если у кого-то скопятся денеж-

ки на доленое, допустим, участие в газетно-журнальной рекламе, можете потом вообще ничего не делать. Согласно доле вклада вам автоматически будет капать доход от каждого удачного приёма кем-то вашего клиента в процентном отношении. А если конкретная реклама вами оплачена вообще полностью, а одиночку, то получите в среднем двадцать процентов от совокупной суммы всех продаж, проведённых вместо вас кем-то из более опытных товарищей, чем вы сами, или – специально обученными специалистами по продажам. Это гораздо проще и надёжнее, нежели, не имея опыта, возьмётесь сами обслуживать человека, а он, не приведи Господи (Моськин картинно перекрестился), на что я всегда стараюсь обращать внимание своих учеников, или медиком настоящим по профессии окажется, или вообще диетологом, фармакологом, да мало ли кем в том же роде... И ещё... самое, пожалуй, важное. Если поставил цель – надо идти к ней, невзирая ни на что. Поэтому, особое внимание мы уделяем психологическому состоянию и настрою каждого. Главный враг здесь – комплексы, которым в той или иной степени подвержен любой из нас. Людей совсем без комплексов, наверное, и не бывает. И здесь мы подходим к своим ученикам особенно внимательно, к каждому индивидуально.

Моськин многозначительно поднял опять, как в начале занятия, вверх указательный палец. И исподволь, пока внимание слушателей было на несколько секунд заострено на кончике этого пальца, хищно оглядел лица женской поло-

вины присутствующих: с кого из этих приезжих искательниц лучшей доли начать сегодняшней или завтрашней ночью обучение «абсолютному избавлению от комплексов?» Какая из наиболее молоденьких новоявленных дистрибуторш-провинциалок окажется поговорчивей и, дабы максимально ускорить возможность поправки своего материального положение, без брыканий пойдёт на претворение в жизнь сексуальных фантазий наставника?

– Те из вас, у кого хватит ума и выдержки неукоснительно следовать

этим несложным по сути общим правилам ведения не только нашего, но и бизнеса как такового вообще, – продолжал урок Владилен Владиленович, – начнут, как показывает практика, и зарабатывать быстрее всех не осознавших этой истины. И, безусловно – больше. Значительно больше...

– А есть, кроме простых и общих, какие-то особые правила? – смело глядя в глаза Моськину, лукаво осведомилась смазливенькая девица возрастом чуть за двадцать. – Ну... ведения бизнеса, как вы говорите.

– Особые правила – для особо целеустремлённых! – сканируя, словно рентгеновским лучом, плотьяднейшим оглядом фигурку девицы, в предвкушении добычи парировал Моськин.

– А каким образом вы определяете *самых* целеустремлённых?

– Достаточно просто – по первым же результатам деятель-

ности.

– А если некогда ждать результатов, которые даже теоретически случатся вряд ли сегодня? Вот, сразу можете определить, не отходя, как говорят, от кассы? Уж очень некоторым из нас прямо сейчас кушать хочется. Пока стандартные живые результаты появятся, помрёшь...

– Насчёт «прямо сейчас» несерьёзно, но при большом желании какой-то

результат может быть уже завтра-послезавтра, ну, допустим, на подработке в качестве совсем уж молчаливого, ввиду полнейшей неопытности, ассистента. Или, опять же на молчаливом, по той же причине, довозе дополнительно заказываемых препаратов на дом текущим клиентам. Но для такого завтрашнего результата необходимо чем-то поступиться как раз сегодня. Скажем, вечерним отдыхом.

– А мы не для отдыха к вам сюда подписывались...

– Что ж... тогда... если не устали, можете пройти начальное непосредственное обучение хоть сию минуту, сразу после этого занятия. И, в случае успешного усвоения минимально необходимого курса, завтра первый заработок теоретически у вас в кармане уже в ближайшие дни. А может быть – и даже практически.

– Хорошо, Владилен Владиленович! Прилежная ученица Анжела

Загнойко готова отдать делу и приступить к разгрызанию гранита науки и практики не откладывая.

Моськин мгновенно вспотел от нахлынувшего на него эротического возбуждения. Даже досада от не удовлетворённой до сих пор жажды обладания вожаделенной девственницей Олесей, заработавшей сегодня в связке со своей старшей родственницей-напарницей Мариной первые ощутимые деньги, сиюминутно отошла на второй план. Ладно, пусть сегодня Олеська погуляет в ресторане в компании с Дроботовым, которому недолго уже осталось выпендриваться в роли «главного среди равных» лидеров сети. И её, и красоту-сестрицу всё равно рано или поздно отыщем, как захотим, никуда не денутся! А там, глядишь, и Антона свергнем. Добровольно своё кресло этот провоевавшийся до полного кукиша драный офицеришка, теперь мнящий из себя «героя коммерческого фронта», конечно, не уступит, но для него же хуже... Ишь, крутой нашёлся! Нет, братец, против Владилена Моськина ещё ни один выскочка не устоял. Арсенал в его загашнике для борьбы с конкурентами по «кормушкам» такой, что кое-кому и в кошмарном сне не приснится!

– Та-ак, так-так-так... – опомнился от ненужных сейчас эмоций Владилен Владиленович. – Ну, если других желающих нет, прошу вас, Анжела, задержаться, а остальные свободны до завтра. Мой персональный рабочий день начинается в десять утра, но салон открыт с девяти. Рекомендую начинать именно с этого времени, поскольку лишний час работы даст вам несколько дополнительных расклейщиков листовок, кандидаты в которые из школьников и пенсионеров

по нашим газетным объявлениям каждое утро с ранья здесь уже у дверей пасутся. Так что... всё в ваших руках. Занятие окончено, до свидания всем, а Анжела располагайтесь поудобнее с блокнотом и ручкой...

– Умница, далеко пойдёте! – успел он украдкой, пожимая на прощание руку брату и кивками головы провожая остальных, шепнуть проходящей дефилирующей походкой вглубь кабинета к мягкому гостевому креслу девушке.

... А в ближайшую субботу, ближе к вечеру, коллектив Салона бурно поздравлял за специально накрытым по этому поводу столом новенькую дистрибьюторшу Анжелу Загнойко с феноменальным успехом. За первые же три неполных дня своей работы здесь «девушка без компелексов», подписанная под Владиленом Владиленовичем Моськиным, заработала больше тысячи долларов. Чистыми!

Ассистировала Анжела на продажах, или так называемых «приёмах пациентов», правда, не самому Моськину, обычно каждый раз с телефонными извинениями перед этими пациентами ссылавшемуся на «непредвиденные срочные заграникомандировки», чтобы не являть клиентуре своей слишком уж далёкой от стройности комплекции, а поочередно нескольким его дальним родственницам-провинциалкам – хорошо обученным худощавым молодкам, периодически во время приёма отвечающим на телефонные звонки «шефу», якобы заботливо консультирующему их «из-за моря», а фак-

тически прячущемуся в одном из известных ему мест неподалёку, и через подслушивающую аппаратуру строго следящему за процессом (не дай Бог «закроит» часть неучтённой выручки какая-нибудь из родственниц!)

И самый крупный за эти дни разовый заработок у Анжели случился в первой половине дня в субботу, при обслуживании миллионерши Нонны Яковлевны Циммерман, виртуозную телефонную обработку которой продемонстрировал Владилен Владиленович своим ученикам вечером того дня, в который прошла последняя презентация салона – шестьсот долларов, или законные десять процентов от общей суммы, на которую не поскупилась так желающая красиво омолодиться почтенная бизнес-леди, во всём остальном создающая впечатление о себе как о неглупом, вменяемом психически и адекватном в поведении человеке.

VII

Попрощавшись с братом и его новобранцами, мысленно пожелав Владилену успеха в «элитарном» по отношению к общей массе рекрутов-сетевиков воспитании очередной молоденькой пассии-дистрибьюторши, Владимир Моськин, изловив на углу Цветного бульвара и Садово-Самотечной такси, направился домой, в свою уютную съёмную квартиру (как и все без исключения члены коллектива Салона восточной медицины, – «мэтр Сердечный-Доброделов» не в счёт, – собственного жилья в Москве он пока не имел), чтобы, не

теряя попусту времени, приступить к любимому на сегодня занятию, поглощающему в свободное от бизнеса время всё его существо без остатка.

Состояло это занятие в кропотливом составлении хитроумного плана-схемы устранения из совместного бизнеса слишком уж удачливо рвущегося к вершинам этого бизнеса выскочки Дроботова, а попутно и ближайших его сподвижников, чтобы знали своё место, и впредь более осмотрительно подходили к выбору, за кем идти. Моськины, и только Моськины должны быть здесь главными!

Первым пунктом означенного хитроумного плана-схемы значился массовый рассыл во все хоть как-нибудь, хоть что-нибудь контролирующие, и за чем-нибудь надзирающие органы федерального, городского, окружного и районного уровней анонимных писем-сигналов о безобразиях, творимых по отношению к здоровью и даже жизни доверчивого населения некоторыми заведомо мошенническими сообществами под попустительством и, вероятно, негласным патронатом коррумпированных представителей госструктур. Творимых нагло и пока что, как ни печально, безнаказанно проходимцами-лжецелителями, цинично рекламирующимися как сотрудники лечебно-профилактических заведений типа элитных «салонов восточной медицины». И, что особенно опасно, эти, с позволения сказать, «ведущие специалисты», одним из которых провозглашает себя далёкий от медицины некий отставной офицер-неудачник Дроботов,

фактически являют собой сплошь таких же, как он, необразованных лекарей-самозванцев.

Будучи далёким от наивности, достаточно прагматичным человеком, Владимир понимал, что анонимки в их чистом, классическом виде вряд ли могут возыметь какое-то реальное воздействие на события, если даже и будут кем-то прочитаны: кому прикажете давать ответ о результатах проверки фактов и принятых мерах в случае подтверждения этих фактов, и кого привлекать к ответственности за ложный донос в обратном случае? Поэтому, действовать он решил нестандартно – каждое письмо имело существующий в действительности обратный адрес, а в качестве заявителя указывалась реальная личность, живущая или работающая по данному адресу. А это уже вроде как и не анонимка вовсе, а открытое официальное заявление, на которое получившая его инстанция обязана дать официальный же ответ по закону не позднее чем в месячный срок. Ну, а для дачи обоснованного ответа, неважно – положительного или отрицательного, хочешь не хочешь, а проведи, хотя бы формально, проверку, отреагируй на сигнал. И где-нибудь, да «выстрелит». Ведь указанные в сигналах факты и на самом деле имеют место быть, и никуда не исчезнут, даже если все до единого обратные адресаты в недоумении откажутся от авторства. Ну, а в адресаты эти Моськин уж нашёл, кого выбрать – самых злостных своих недругов. Пусть друг друга потом подозревают в кознях, перегрызутся-передерутся, братьям Владилену

и ему, Владимиру, на потеху. Главное – шуму да туману побольше. А чтобы не изловили ненароком подлинного автора-сигнализатора, так это – проще простого, дело, как говорится, техники: все тексты пишутся строго в резиновых медицинских перчатках, дабы не оставлять на бумаге отпечатков пальцев, и печатными буквами левой рукой. Набирать тексты на компьютере он не рискнул – как бы не установили ненароком технические эксперты, на каком именно принтере эта «творческая» продукция распечатывалась. А вручную хоть и нудно, долго, зато – надёжно...

Пути отхода на случай неудачи, а удачи мероприятия тем более, Владилен и Владимир разработали на уровне блестящих стратегов. Немного загодя до расчётного времени принятия госорганами мер по «сигналам встревоженной общественности», Моськины неожиданно и тихо переедут, ссылаясь на давно уже созревшие условия для расширения собственного бизнеса, в другой, заранее снятый в аренду и оплаченный офис, где откроют ещё более универсальный и комфортабельный, чем этот приговорённый к разгрому салон, центр красоты и здоровья. С настоящей лицензией на право заниматься частной медицинской практикой на имя одного из местных, с не «липовой», а натуральной московской пропиской, загодя завербованных профессиональных медиков с настоящим опять же, не поддельным государственным врачебным дипломом. И разгром в салоне произойдёт уже в отсутствие братьев Моськиных, никак их не коснувшись.

Пусть эти пути в какой-то степени рискованные, так как может возникнуть вопрос, а не случайно ли, мол, такое совпадение: не успели Моськины съехать, как тут же – разгром. Но, тем не менее, риск риском, а и результаты вероятны такие, что могут быть скорее, чем даже мечталось, удовлетворены и немалые лидерские амбиции братьев, и их материально-меркантильные запросы и притязания. Ох, как хочется побыстрее занять достойные, отвечающие их потребностям квартиры в Москве, автомашины-иномарки престижных моделей и... и... и... словом, полный «джентльменский» набор жизненных благ соответствующего уровня.

Успеть бы ещё до переезда, прежде чем расстаться с этим так называемым салоном и его дилетантским околпачиванием наиболее примитивной умственно прослойки состоятельных москвичей (если уж дуришь публику, так не на дилетантском, а на высоко интеллектуальном «моськинском» уровне), осуществить тот до щекотки приятный, волнующий кровь план, который они с братом разработали как-то полупуштя-полувсерьёз: затащить в постель красавиц-сестричек Марину и Олесю. На вероятную девственницу юную Олесю, правда, сразу наложил лапу старший, Владилен – ох и пройдоха же братан, хоть и в возрасте, да и толстяк с виду мало темпераментный, а своего не упустит, в сластолюбии и сладострастности любому молодому и стройному такую фору даст!.. Но, ничего, и Марина тоже – смак ещё огого-ошеньки какой! Инструмент овладения телами этих, хоть

и бесподобно красивых, но всё же провинциалок, в общем и целом нищих и беззащитных перед обстоятельствами, в арсенале братьев Моськиных безотказный – деньги. А вернее – реальная возможность дать девчонкам их заработать достаточно для того, чтобы решить наиболее тяжёлые домашние проблемы. У одной малые дети и муж алкоголик... у другой – надолго, если не на всю жизнь лишённый здоровья жених – неудачливый вояка-солдатик, для которого девственница в невестах – жирноватый, наверное, подарок судьбы, пусть спасибо скажет за то, что его вообще дождалась и не только идти с ним, увечным, под венец не отказались, а ещё и денег для этого, не считая затрат на дорогостоящее лечение, заработали. Да пусть даже ценой этой самой, уже давно не модной девственности – в этом, может, и есть самая соль благородства человеческого... Только пограмотнее обыграть это всё, поставить девчонок перед такой альтернативой, чтобы любые сомнения сразу прочь. С Мариной, в отличие от Олеси, вообще недоразумений не должно возникнуть – замужняя, рожавшая, да неоднократно, женщина, оторванная от хоть и пьяных, но привычно-повседневных мужских объятий. Наоборот, с точки зрения обыденной жизненной логики, должна охотно пойти на контакт. Тем более с такой-то материальной выгодой! Только вот почему она, всё же, до сих пор в салоне ещё ни с кем? Это настораживает. Но... волков бояться – в лес не ходить. Где наша не пропадала! Будем брать, и никаких гвоздей!.. Насладимся, в преддверии

кончины салона, от души... А в том, что заведению этому скоро крышка, сомнений мало. Скорей бы уж!

И он писал, писал, писал... не покладая рук, нередко ночи напролёт...

VIII

Событиям, однако, не совсем угодно оказалось развиваться по планам и

чаяниям братьев-соратников Моськиных. Жизнь, как ни планируй, вносит

иногда свои, порой трудно объяснимые коррективы даже в тщательнейшим образом разработанные чьи-то схемы.

Разгром салона, конечно, произошёл, но каким образом...

Ох, уж этот «Склиф»²⁰! Как он подвёл...

IX

А вина института Склифосовского в развернувшихся вскоре событиях заключалась лишь в том, что это лечебное учреждение оказалось единственным по всей Москве начала двадцать первого века, которое не отказывало в экстренной медицинской помощи никому из нуждающихся в

ней, в том числе и приезжим откуда бы то ни было, не имевшим в кармане ни

московских или подмосковных документов о медицин-

²⁰ Московский городской научно-исследовательский институт скорой помощи им Н.В.Склифосовского;

ском страховании, ни денег на повсеместно требуемые медиками взятки за помощь, которую они все до единого обязаны оказывать бесплатно во исполнение данной когда-то клятвы Гиппократ²¹. Качество помощи и отношение медицинского персонала к пациентам и в «Склифе», правда, бывало разным, но в первичном приёме отказов не бывало традиционно.

– Больной Артамонов! Андрей Петрович!.. К вам пришли, – заглянула в дверь палаты молоденькая симпатичная, но со строгим голосом медицинская сестра. – Пускать? Вы меня слышите? Как вы себя чувствуете?

– Нормально чувствую, спасибо... – подполковник Ельников, спешно перевоплощаясь обратно в бизнесмена-сетевика, приподнялся на локтях. – А кто там?

– Целая компания. Друзья, говорят, работают вместе с вами.

И опять внутренний растерянный вопрос: с какой работы друзья? С настоящей, что будет вернее – со службы, или... Как же это он мог допустить такую оплошность – позволить неизвестно кому чуть не убить себя, да так легко, походя, как бы между делом. А так ли уж между делом? И что вообще произошло? Всё вроде шло в контролируемом

²¹ Клятва, формирующая моральные нормы поведения врача ещё со времён Древнего Египта (около 300 г. до н.э.) В России в 1999 г. Госдумой принят текст «Клятвы врача России», которую выпускники медицинских учебных заведений должны давать в торжественной обстановке при получении диплома. Основной постулат клятвы – «...быть всегда готовым оказать медицинскую помощь».

русле. Необходимая информация собрана, контрольные закупки сделаны, полученные данные систематизированы, обработаны и получили предварительную оценку на должном уровне. Руководящую верхушку огромной мошеннической пирамиды вот-вот должны были взять с поличным одновременно в нескольких офисах, «салонах», «центрах», «клиниках», на центральных складах-распределителях. И попутно прихлопнуть разветвлённую сеть нелегальных средних и мелких сбытчиков по всем крупным городам страны «чудодейственной» продукции, не сертифицированной никакими уполномоченными на то федеральными органами и неизвестной ни Минздраву, ни санитарному, ни Роспотребнадзору. А вместо этого, и последующего мирного написания соответствующего аналитического отчёта в верха с психологическим портретом новой, весьма проблемной, в том числе и политически, прослойкой общества... он – здесь, в этой палате, да ещё под чужим пока что именем. И – в полном неведении относительно происходящего.

Сколько вообще времени он пробыл в реанимации прежде чем попал в эту одноместную, явно привилегированную, напичканную медицинской аппаратурой палату? Какое сегодня число? А месяц?.. Ну, да сейчас всё и выясним. И впрямь интересно, с какой же всё-таки работы гости – со своей, или с этой «древнемедицинской», будь она неладна.

– Запускай, сестричка!

В дверь тут же ввалился, мягко отодвинув медсестру и за-

громоздив свою мощную фигуру весь проём, черноусый весельчак:

– Привет выздоравливающим!

И высыпал из нестандартно-большого полиэтиленового пакета на стоящий у окна стол гору разнообразнейших фруктов и прочих вкусностей, на какие обычно не жалеют денег посетители больничных пациентов.

– Здравствуй, здравствуй, Александр Иванович, – с удовольствием

пожал протянутую ему крепкую пятерню Олег Алексеевич, он же Андрей Петрович.

– Здравствуйте, Андрей Петрович! – палату один за другим начали заполнять те, кого он видел сейчас с не меньшим, чем Александра Ивановича Георгицу, удовольствием: очень похожий на него самого коллега по древнекитайскому ремеслу Андрей Яковлевич; вслед за ним – молодой «артист-врачеватель» Сергей Молодцов, сёстры-украинки Марина и Олеся.

– Привет, ребята! Если бы вы знали, как я рад встрече с вами... Почти «полный боекомплект», как сказал бы на моём месте Александр Иванович.

– Да, Андрей, – вздохнул Георгица, – боекомплект у нас сегодня, действительно, неполный, а всего лишь «почти». Антоха Дроботов, например, не может тебя навестить... по уважительной причине. Но, о грустном потом, попозже расскажем. Тебе пока не стоит волноваться, тем более что ско-

ро, надеюсь, всё образуется.

– Что-то серьёзное? Не темни, морпех, не в твоих это правилах.

– Если честно... а, всё равно уже почти проговорился... куда уж серьёзнее... короче, не на свободе он.

– То есть?..

– Ты лучше скажи-ка людям, которые тебя уважают и переживают за тебя, как себя чувствуешь.

– В сознание пришёл уже, можно сказать, прочно. Но причину и обстоятельства своей госпитализации восстанавливаю в памяти пока с трудом. А если всерьёз, без вранья, то не помню практически ничего.

– А может, Петрович, пока и не стоит нагружать голову и нервную систему? Окрепнешь получше, тогда постепенно и восстановим всю картину. Мы, в частности, расскажем с нашей стороны предельно точно...

– Нет уж, Саня... – перебил, не дослушав фразу до конца, «Петрович». – Давайте-ка, выкладывайте сегодня, не откладывая, что успеете. Лучше, конечно, вообще всё что знаете. Мне это важно.

Георгица повернулся к молчавшему пока Андрею-второму, как

полушутя называли Андрея Яковлевича между собой его новые друзья, звание «Андрея-первого» оставив, разыграв по жребии, за Андреем Петровичем, лежащим сейчас на больничной койке:

– Яковлевич, ты-то как думаешь?

– Думаю, ребята, – обернулся тот ко всем остальным, – лучше, наверное, не мучать, не томить Петровича. Это будет честнее и правильнее, поскольку он серьёзнее всех нас пострадал от этой заварухи, которая чуть не приняла совсем уж нежелательный оборот. Тем более по моей, отчасти, вине, как утратившего оперативные навыки разведчика.

– Ты, Яковлевич, разведчик?! – изумлённо уставился на Андрея-второго Андрей-первый. – Профессиональный? А представлялся нам всем школьным физруком, тренером по лыжным гонкам, массажистом, а клиентуре – спортивным врачом-костоправом, то есть травматологом. Во что угодно из твоих рассказней люди верили... но в оперативника... Надо же!..

– Я же не просто так сказал «утратившего навыки». Значит, давно это было. Как начали кремлёвские отцы-перестройщики нашу систему интенсивно сокращать, рубить под корень в начале девяностых, так и я в числе множества других профессионалов был выкинут прочь. А ведь среди нас были специалисты высочайшего класса! Любая иностранная разведка многое бы дала, чтобы заполучить кого-то из этих спецов себе. Весь мир, можно смело констатировать, держали в советское время под незримым контролем. Во всех горячих точках планеты всю историю государства нашего воевали, чаще всего тайно, умирая безымянными героями, наши ребята... И вдруг – распад, поразительно быстрое исчез-

новение Союза как державы, заигрывание новой власти перед Западом. Непонятная, в голове не укладывающаяся сдача нашим извечным соперникам-антагонистам ценнейшей, воспитываемой десятилетиями нашей зарубежной резидентуры, не говоря уже о рядовой агентуре. И это, без преувеличений, предательство – на высшем государственном уровне!

– Ну, и... – Олег Алексеевич затаив дыхание слушал своего,

оказывается, коллегу по главному делу жизни – защите интересов Родины там, куда пошлёт командование, и в тех ролях, которые приходится играть, перевоплощаясь порой до полной противоположности самого себя.

– А что «и»? – Андрей-второй судорожно вздохнул, похлопал себя по карманам, достал из одного пачку сигарет, но тут же засунул обратно, спохватившись, что находится в больничной палате, где курение приравнивается к преступлению. – Многие не выдержали такого предательства сверху, и не простили. Тем более что времена для основной массы соотечественников наступили не лучшие, а главное – не самые сытные. А семьи свои элементарно кормить надо, чтобы дочери с голодухи и от отчаяния не ушли в проститутки, а сыновья – в рэкетеры, которых рано или поздно либо отстреляют, либо посадят. Вот и подались наши супер-профессионалы кто в прямое услужение криминалитету, кто в охранники куда возьмут, кто наудачу в создание собственного бизнеса, как получится. Кому-то повезло – попали по зна-

комству или случайно на государственную службу, включая заново формируемые органы власти всех уровней, в руководящие звенья крупных бизнес-структур, частных или полугосударственных акционерных обществ, корпораций, представительств иностранных компаний, работающих на территории страны. Кому-то повезло меньше – но кое-как выплыли, создав кто какой сумел собственный бизнес. А кому-то не повезло совсем...

– Ты имеешь в виду тех, кто завис между небом и землёй, и оказался не нужен никому?

– Да, брат, именно их. Ты только подумай, если раньше, на официальной и уважаемой службе Родине, они способны были и фактически творили чудеса героизма, разрабатывая и осуществляя сложнейшие операции государственного и межгосударственного значения, относительно легко расправлялись с любыми, нечастыми, правда, в Советском Союзе попытками терроризма, то теперь просто потерялись в этой жизни. Служить бандитам или ещё чему-нибудь сомнительному не позволяет сохранившаяся у многих офицерская честь, а честно заработать на хлеб для жены и детей нет никакой возможности при всём том, что ты здоровый, молодой ещё, в здравом уме и с солидным жизненным багажом мужик хоть куда... От безысходности столько настоящих ребят пустили себе пулю в висок...

– А ты? Андрей Яковлевич – наверное, твоё вымышленное имя?

– Имя настоящее, да и офицерское звание не придуманное и не бывшее, поскольку бывших, как говорят у нас, не бывает. От мысли застрелиться на примере некоторых своих коллег, земля им пухом, я далёк, хотя, как и они, в новой жизни себя пока, увы, не нашёл (наш древнекитайский салон, который можно считать неудавшимся экспериментом, не в счёт). Но той мрази вокруг нас, узурпировавшей бандитскими способами и власть, и материальные блага страны, и которую ненавижу, никогда ни под каким предлогом служить не буду, и жить по её волчьим законам не стану ни за какие деньги. А вот давить её буду как гниду при любой возможности, покуда жив.

– Давить как? Ведь ты, сам говоришь, десяток лет уже не у дел, и действовать законными путями тебе будет затруднительно. Не из-за угла же расстреливать собираешься всех, кто, по твоему мнению, живёт несправедливо.

– А я уже... давлю, так сказать... В общем, делаю проще: нахожу среди действующих законников с реальной властью и достаточным весом в правоохранительных структурах тех, кто ещё не продался золотому тельцу, и помогаю им по мере сил хотя бы поставкой значимой оперативной информации, которую, спасибо моим учителям и наставникам по профессии, умею до сих пор добывать получше многих нынешних штатных розыскников и следователей. Вот и здесь тоже... – Андрей Яковлевич замолчал, хмурясь.

– Тебе неудобно говорить?

– Да я всё это вот им, ребятам нашим, уже давно порассказал в допустимых, конечно, подробностях. В том числе – и о подготовке к разгрому этой нашей древнекитайской гадости.

– Ого! – Олег Алексеевич, несмотря на всё своё выработанное многолетней службой профессиональное самообладание, не на шутку

внутренне взволновался.

– Что «ого»? Говорю я тебе, утратил часть навыков, сработал недостаточно чётко, и вот ты здесь, в этом «Склифе»... реанимированный, слава Богу.

– Так я здесь... из-за тебя?!

– Вернее будет – вместо меня.

– Да, Андрюх, свет ты наш Петрович, – вмешался в диалог Александр Иванович Георгица, – ты совершенно случайно здесь. Башку эти негодяи Моськины планировали пробить Яковлевичу, наняли специально для этого бандитов, устроив их к себе дистрибьюторами, чтобы присутствие их в офисе выглядело нормальным повседневным явлением. Те следили за каждым шагом Яковлевича, по любому поводу навязывались ему в собутыльники на вечер.

– А что, Яковлевич, тебя заподозрили в чём-то антимосинском? Разоблачили как поставщика правоохранительным органам оперативной информации, то есть попросту, извините, стукача? Или ещё что-то?

– Нет, всё гораздо проще, – Андрей Яковлевич достал за-

писную книжку,

уточняя какие-то данные. – Вот, нашёл. Кличка «Кабан», фамилия сейчас значения не имеет. В общем, пришёл по рекламному объявлению к старшему Моськину, Владилену то есть, увешанный золотыми цепями и прочими тому подобными «цацками» клиент живым весом центнера, эдак, под полтора, чтобы с помощью этого «лучшего в мире специалиста, автора уникальных программ»... и так далее, вернуть «былые красоту и здоровье». И оказалось, что они с Владиленом Владиленовичем знакомы между собой – сидели когда-то вместе, отбывали срок на Севере, где-то под Воркутой. Ну, этот матёрый в прошлом уголовник, на тюремного «пахана» шибко похожий, а ныне хоть и миллионер, кандидат в депутаты, но так, видимо, к хорошим манерам и не приученный, сначала на радостях встречи машинально пообнимавшись с «брателлой Владькой», прямо тут же, вспомнив, видимо, зачем пришёл сюда, устроил шумный скандал чуть ли не с погромом – кого вы, дескать, волки позорные, катнуть пытались, кинуть на тыщи баксов. Какие вы, конкретно и в натуре, век мне воли и депутатства не видать, доктора-светилы древнекитайские, если кроме холодильников и калориферов ничего раньше, во все свои отсидки, ремонтировать не умели? Что ты, что братан твой, козлина барачный...

– И?..

– Тут, как назло, вдобавок ещё и я ему на глаза попался.

– И чем-то этому «брателле» не приглянулся?

– Только бы! Всё гораздо хуже. Я ведь тоже, как и Моськин, оказался давним знакомым этого бандита. Конечно же, не по отсидкам в лагерях, а совсем наоборот, помог ему когда-то туда попасть на срок очень даже тоскливый. По одной из моих оперативных разработок энное количество лет тому назад была задержана и осуждена за финансовые махинации группа банковских служащих и административных работников органов власти, тесно связанных с воротилами теневого бизнеса. Одним из теневиков и был этот роковой моськинский клиент-похудальщик. Судебный процесс, ввиду наличия в материалах дела элементов государственной тайны, был закрытым, но меня в числе других причастных к расследованию сотрудников нашего управления, вызывали в зал суда для дачи свидетельских показаний. Вот тогда он, видимо, и запечатлел в памяти мою физиономию.

– И приговорил... – со смешком встрял в рассказ Андрея Яковлевича Сергей Молодцов. – А завидев через много лет в нашем офисе в ходе общения с Моськиным, приговорил ещё раз, уже окончательно. Поручив исполнение наверняка тому же «облажавшемуся» перед ним Моськину в порядке штрафа за лжерекламу о себе как академике по элитному снижению веса – пахан ведь всерьёз худеть собирался, а тут такой облом... Ну, а паханские приговорчики обжалованию, как известно, не подлежат.

– А ты-то чего веселишься, Серёга? По очередному под-

затыльнику товарища подполковника соскучился? – Георгица сделал угрожающий шаг в сторону парня.

– Да это он, Александр Иванович, от радости такой весёлый, что видит Андрея Петровича в хорошем самочувствии после такой-то передряги, не трогайте вы его, – с улыбкой взяла «морпеха» за рукав юная Олеся.

– Ой, а как у вас-то дела, девчата? – спохватился больной, слишком, пожалуй, отвлёкшийся беседой с бывшим оперативником госспецслужб.

Олеся тут же отвернулась к окну, чтобы не демонстрировать набежавших мгновенно слёз.

Марина подошла к ней сзади, обняла за плечи:

– Успокойся, моя хорошая, всё образуется. А вас, Андрей Петрович, прошу простить девчонку, да и меня тоже, но лучше будет, если мы не сейчас, а попозже, в ближайшее, прямо в следующее посещение расскажем со своей колокольни об этих последних событиях, происшедших, пока вы были в реанимации. Тяжело ей пока вообще разговаривать... а эта тема просто... не знаю, с чем сравнить.

Но даже если и захотели бы они высказаться, выговориться сейчас, немедленно перед человеком, которому искренне симпатизировали, успев серьёзно зауважать его за довольно короткое по длительности знакомство, разрешённое больничными правилами время визита, увы, истекло. Две медсестры вкатили в палату столик с медикаментами и инстру-

ментарием, внесли стойку-капельницу и попросили посторонних покинуть помещение.

– Придём завтра, если не возражаешь, Петрович! Рассказать нам всем есть что. От некоторых вещей просто обалдеешь, – дисциплинированно заторопился к выходу «морской дьявол» Георгица. – Видишь, вот свежий шрамик на моём кулаке? Минимум по полудюжине искусственных зубов придётся теперь вставлять каждому из братьев Моськиных. Наверно, уже только через несколько лет, после тюрьмы...

– Обоих отоварил Александр Иванович в секунду! Настоящий морской пехотинец. Теперь в это верю без приколов... – дополнил Сергей Молодцов речь Георгицы.

– Когда же ты, наконец, отучишься перебивать старших? Ну, надеру я

тебе когда-нибудь уши! – подтолкнул «морпех» Молодцова к двери и протянул Андрею-первому на прощание руку. – До завтра, Петрович, выздоравливай!

Х

Оставшись один после ухода друзей и последовавших сразу же некоторых медицинских процедур, произведённых над ним медсёстрами, Олег Алексеевич попытался сосредоточиться. Но, как это было уже не первый день, стоило ему поднапрячь затуманенную, возможно из-за больших доз принимаемых сильнодействующих лекарств память, как тут же накатывала труднопереносимая головная боль. Приходилось

усилием воли заставляя себя какое-то время не думать ни о чём, возбуждающем нервную систему, или, если ненапряжённо и думать, то лишь о приятном. А как только боль хоть немного отпускала, он опять машинально напрягал память, и всё повторялось снова и снова.

И тем не менее, дело продвигалось. Первое что Олегу Алексеевичу ещё до его сегодняшнего посещения приятелями-сотрудниками по Салону восточной медицины удалось совершенно верно восстановить в памяти – это своё настоящее имя. Хотя... персонал лечебного учреждения, где он сейчас находился, называл его Андреем Петровичем, или по фамилии Артамонов вместо правильной Ельников. Андреем Петровичем называли его и сегодняшние посетители, благодаря приходу которых он вспомнил ещё многое. В том числе и самих ребят с подробностями знакомства с ними, и на какой почве познакомились, сошлись-подружились, и ещё... В памяти постепенно начала более-менее восстанавливаться, особенно под впечатлением от рассказа бывшего сотрудника спецслужб Яковлевича, причина этой путаницы с именем. Ведь «Артамонов», оказывается – псевдоним, который он вынужден носить в связи с выполнением секретного служебного задания. Какого задания конкретно? Да элементарного... Ой, больно, чёрт!..

А всё-таки, какой замечательный преподаватель-наставник мог бы получиться из этого, как его... Дробышева... Дроботова... Так, правильно, Антона Дроботова. Если бы...

Если бы что? Если бы его лучшие качества да в доброе дело пустить, изъяв вместе с их обладателем из этой шайки-лейки китайцев... псевдокитайцев... древних китайцев... «древнекитайских» лекарей... Правильно – из сообщества, преступного сообщества имитаторов древнекитайской медицины.

Какие интересные, жизненно поучительные теоретические и практические занятия проводит... проводил в восточно-медицинском псевдосалоне этот Дроботов, находящийся теперь, как сообщил оказавшийся профессиональным в прошлом разведчиком Андрей... Яковлевич, кажется... в следственной тюрьме. Жаль... лучше Дроботова на занятиях с дистрибьюторами никто не умел говорить о качествах лидера, главных условиях успеха. Успеха на реальных, не придуманных примерах, о чём можно судить хотя бы по уровню его собственных доходов. Десятки тысяч долларов ежемесячно, да без явного криминала, да исключительно своим трудом, без наиболее модного нынче мафиозного обворовывания государственного бюджета, если не считать, конечно, увиливания Антона от уплаты налогов с этих доходов. Да и, если объективно подойти – ни одного бедного, малоимущего человека Дроботов не объегорил, поскольку в рядах его клиентуры таковых нет по определению. Ведь даже в его рекламе честно предупреждается: «Дорого!» А значит, и тратят большие суммы за сомнительную возможность «комфортно и быстро омолодиться и похорошеть» только те люди, у которых денег куры не клюют. «Как пришли, так и ушли» –

поговорка именно о таких доходах, с которыми легко, зачастую глупо и бессмысленно расстаются. Ой, опять эта дикая боль в затылке!.. Поспать...

О чём это я только что? Да, при всех минусах и других коллег-негодяев Дроботова, вслух они провозглашают, хоть и на разном интеллектуальном уровне, исключительно правильные и полезные вещи. Например – «будь доброжелателен к каждому, даже если тебе лично он чем-то и не нравится», «не навреди», «читай умные книжки», «ежедневно выполняй намеченное, а что не успел – приплюсовывай к плану дня завтрашнего», «не злословь», «позитив, позитив, и ещё раз позитив»... да-а... а сами при этом поступают с точностью до наоборот...

XI

На следующий день вся вчерашняя компания в том же составе была в палате буквально с первой минуты разрешённого врачебной администрацией отрезка времени для посещения больных. Уже уверенно встающий с постели и прохаживающийся сперва по палате, затем по коридору, а там и по этажам вплоть до нижнего, Олег Алексеевич слушал, слушал и слушал, вбирая в память рассказываемое наперебой своими сотоварищами-«диетологами», и услышанного даже в первые эти их посещения с лихвой хватило бы для завязки, а то и полной сюжетной основы целого детективного романа, будь он литератором. Но это если для основы творче-

ского произведения, где для объёмного наполнения страниц и подсочинить в необходимой мере не грех, а вот для позарез требовавшейся Ельникову полноты картины событий, и полноты как можно более точной необходимо было выслушать как можно больше не от третьих-пятых, а именно от первых лиц, в тех событиях принимавших непосредственное участие. Что он и делал...

Естественно, одного-двух таких посещений, конечно же, на составление целостной картины, тем более в эмоциональном изложении в собственной интерпретации каждого из рассказчиков, хватить не могло. Поэтому были и третье подряд, не прерываясь ни на один день, посещение, и четвёртое... Хоть и разными по длительности, но равно захватывающими, берущими порой за душу, а иногда и вызывающими неудержимый общий смех сюжетами, были эти рассказы. На пятый день Олег Алексеевич задумчиво резюмировал:

– Ну вот, теперь я вроде в курсе происходящего.

– Да, Петрович, мы ведь не сообщили тебе ещё две последние новости, –

выключая отвлёкший его немного от общей беседы мобильный телефон, спохватился Георгица. – Вот, только что мои новые коллеги обрадовали: Антон Дроботов отпущен из Бутырки²² под подписку о невыезде до окончания следствия по делу. Думаю, в скором времени обвинения будут с него сняты – адвокатская контора для этого подыскана сильная.

²² Упрощённое, разговорное наименование московской Бутырской тюрьмы

– Извини, Саня, это какие такие «новые коллеги»? Не такое же жульё, как наши целители, надеюсь...

– Ну, что ты, Петрович! Обижаешь... Просто, пока ты здесь прохлаждаешься, извиняюсь – поправляешься, устроился я по рекомендации кое-кого из старых сослуживцев в элитное охранное предприятие, обеспечивающее личную безопасность известнейших в стране людей.

– Неплохо... вот это правильное решение. Молодец! Ну, а вторая новость?

– А вторая ещё отраднее, поскольку есть незыблемая истина, что свято место пусто не бывает.

– Ну, вы, товарищ подполкан, даёте! – ехиднее самой ехидны ухмыльнулся Сергей Молодцов. – Тюрьма, и – «свято место»... Сдаётся мне, на службе своей военной вы с губы²³ не вылазили, что так уважительно отзываетесь об этих замкнутых пространствах как о среде пребывания.

– Замри, щенок! – осадил Георгица Серёгу хоть и беззлобной «игрушечной», но заставившей всерьёз съёжиться затрепачиной. – Я имею в виду «не рой другому яму...»²⁴

– Ну-ну, успокойтесь, – мягко остановил перепалку «Андрей-первый», – кто в какую яму-то попал?

– А то непонятно? Конечно же Моськины, и тот, и другой

²³ *Гауптвахта* – армейская дисциплинарная тюрьма для отбытия краткорочных наказаний;

²⁴ *Не рой другому яму* – сам в неё попадёшь. Русская поговорка-предостережение тому, кто желает другому зла и старается сделать неприятность, которая может случиться, наоборот, с тем, кто является её источником.

собственными

персонами, – радостно как именинник улыбался новоявленный сотрудник

одной из самых грозных частных охранных служб в стране.

– Как только чуть подзажили сломанные нашим бойцом-тяжеловесом Александром Ивановичем челюсти обоих братьев, их прямо из больницы, и – в тюрьму, в ту же самую Бутырку, из которой только что освободили Антона,

– не страшась риска быть награждённым серией очередных оплеух, скороговоркой помогал Георгице излагать последние новости Сергей.

– Вот это здорово! Спасибо, ребята, утешили, теперь буду спать спокойнее, – улыбнулся на прощание Олег Алексеевич, для присутствующих Андрей Петрович, Петрович или просто Андрей-первый.

Замешкавшемся и выходявшему из палаты последним экс-разведчику Андрею Яковлевичу Олег Алексеевич, приложив палец к губам в знак просьбы о молчании, сунул в руку мелко сложенную записку:

– Передай адресату, инкогнито, разумеется. С тобой встретятся сразу после твоего звонка по указанному здесь номеру телефона. Давай, майор... Всё остальное – потом.

«Бывший» остолбенел, изумлённо, не моргая уставившись на собеседника:

– И ты?!

Олег Алексеевич опять приложил палец к губам и мягко прикрыл дверь за вышедшим Андреем Яковлевичем, на глаза которого успели выползти по одной скупой слезинке.

Вся гамма чувств – от комедийного «вместо него должен быть я» до драматичного «прости, брат» успела промелькнуть прежде слёз в молчаливом взгляде отставного офицера-силовика, но заговорить, выполняя молчаливую просьбу товарища «палец к губам», он не решился. Нельзя – значит нельзя. И ребята не должны ничего ненужного для них заметить. И хотя пока ещё он мог только догадываться о чём-то по существу просьбы молчать в ходе этого секундного немомого диалога, ясно было теперь как день – в тайно-святом для него он не один...

А Андрей-первый, или подполковник государственной безопасности

Олег Алексеевич Ельников, проводив гостей, долго ходил взад-вперёд по палате, перебирая в восстановившейся, наконец, почти полностью памяти фрагменты рассказов недоучившейся студентки медицинского училища юной Олеси с Украины, её старшей сестры – сельского фельдшера-акушера со стажем, такой же как и она красавицы Марины, дипломированного театрального актёра саратовца Сергея Молодцова, подполковника морской пехоты в отставке «бравого молдаванина» Александра Ивановича Георгицы, и наконец его псевдонимного тёзки, отторгнутого Родиной, а если выразиться помягче, полаяльнее (ибо не Родина всё-таки его

отторгла, а всего-навсего кучка безответственных реформаторов в её властных структурах) – незаслуженно и неоправданно рано отправленного в запас квалифицированного оперативника Андрея Яковлевича.

Из совокупности рассказов этих таких разных, но волею судьбы оказавшихся в одно время в одном месте и объединённых одной псевдо-профессией ради элементарного физического выживания в смутные для народа великой в своё время советской державы-империи времена, вкупе с накопленными собственными наблюдениями и добытой оперативной и прочей информацией, начала складываться в уме Олега Алексеевича общая логически стройная картина, достаточная не только для написания ещё более добротного, чем рассчитывал, служебного доклада на правительственном уровне и не менее добротной научной работы вроде запланированной им и в основном готовой к защите докторской диссертации, а и для создания чего-то даже ещё более грандиозного, например – эпического литературно-художественного полотна о нынешнем так называемом переходном этапе в жизни страны. Талантику вот только литературного где подзанять...

Уснуть Олег Алексеевич этой ночью, как, впрочем, и в предыдущие, не мог долго.

ХII

Из рассказа Марины:

«Чем больше я тосковала по оставленным дома в деревне своим малым деткам, тем сильнее ненавидела этого мерзкого «лидера бизнеса» Моськина. Старшего я имею ввиду. Конечно, и младший, Володька, не подарок, но Владилен – крайний предел человеческой, вернее нечеловеческой гнусности и, пусть нет в литературном русском языке такого слова – сволочности. Впрочем, всё это на его гадком лице как чёрным по белому написано и видно издалека. О феноменальной жадности его я уж и не говорю, Бог с ним...

И вот от такого человека нам с Олеськой приходилось всецело зависеть материально. А куда деваться? Мать-старушка наша на своей крохотной усадёбке только садом-огородом и жива, да ещё двоих внучат прокормить надобно. Эта мразь Моськин, зная о таком положении вещей, всласть этим попользовался. Давал нам с сестрёнкой подзаработать, что позволяло нам и самим здесь как-то концы с концами сводить, и в деревню кое-что пересылать. Худо-бедно старшенькому на одежонку да на учебники подобрали, и к школе он оказался экипированным ненамного хуже других сверстников-односельчан. И жениху Олеськиному израненному на лечение более-менее хватало высылаемых ею денег.

Но цену за эти заработки потребовал, подонок, непомерную – к Олеське

начал подбираться недвусмысленно. А у неё ведь любовь – святая, можно сказать. И девственность свою берегла она

для одного-единственного, хоть и покалеченного, но живого и с большими надеждами на счастливую жизнь.

Видя, что похотливая свинья Моськин не собирается отступаться от задуманного, и пристаёт к Олесеньке всё более назойливо и похабно, я, чтобы как-то оградить от этих поползновений, прикрыть её, решила схитрить – пожертвовать собой. Тем более, что и на меня он поглядывал, негодяй, не менее плотоядно. Как и его брат, между прочим. Ну, сумела я как-то спровоцировать ситуацию и отдалась с притворной страстью этому чудовищу, да так, что ему, извращенцу, насмотревшемуся, видимо, зарубежных порнографических фильмов, некоторое время было не до Олеськи – он садистски наслаждался своей безграничной властью над моим телом в полную меру своей нездоровой фантазии, пока та, наконец, не иссякла... или просто «творчески» выдохся в какой-то момент, мерзавец... но тогда он стал заставлять меня саму фантазировать, придумывать что-то совсем уж невообразимое. О, с каким удовольствием я убила бы его и без страха села б за это в тюрьму, но детки мои... Олеська... И я терпела... Но сестру всё-таки не уберегла...»

Александр Иванович Георгица рассказал, что в тот роковой для всего Салона восточной медицины день поначалу всё шло, вроде бы, как обычно, спокойно. Порасклеивав по городу листовки, посетив теоретические занятия о принципах и путях развития дистрибьюторской сети, собрался он на запланированную вечернюю встречу с одним из случайно

встреченных в городе старых сослуживцев, работающим ныне в солидном охранном агенстве. То, что мошеннический «древне-китайский» похудальческий бизнес – не для него, честного боевого офицера, он решил с первых же дней своего пребывания в нём, сразу начав подыскивать дело, более подходящее для настоящего мужчины в расцвете сил и лет. Дело, которое будет, конечно же, далёким даже от малейших намёков на какой-то криминал. И вот, кажется, нашёл – однопольчанин с удовольствием согласился похадатайствовать за него перед своими начальниками. Но до места назначенной встречи Александр Иванович на этот раз не доехал...

От успокоительных мыслей о возвращении на правильную жизненную стезю его отвлек звонок по мобильному телефону – от его младшего товарища «актёра-лекаря» Сергея Молодцова, соскучившегося, видимо, по очередному подзатыльнику за свои постоянные подковырки. Но на этот раз молодому вертопраху было явно не до шуток – он плакал навзрыд, не в силах выдать из себя что-то членораздельное. Единственное, что Александр Иванович уловил более-менее внятно, были слова «вокзал» и «поезд».

– Какой вокзал, Серёжа?!

– П-п-павел-... п-павелецкий...

– Жди! – ни секунды не раздумывая, гвардеец-«морпех» со всей своей

богатырской силой раздвинул сомкнутые створки ближайшей двери мчавшегося по широкому вечернему про-

спекту троллейбуса, в котором он сейчас ехал, и уже не на полном ходу, – спасибо успевшему всё-таки затормозить и сбавить скорость бдительному водителю, – выскочил наружу. Ничего не успевший понять водитель, как только дверь опять закрылась, снова газанул и продолжил путь, как ни в чём не бывало. А перекувыркнувшийся несколько раз вокруг себя и уже через секунду оказавшийся за пределами проезжей части дороги Георгица удовлетворённо констатировал: «Повезло тебе, подполковник! Ни под колёса никакие не попал, ни костей не переломал. Хотя самый ли это сложный прыжок для лихого, испытанного морского пехотинца?»

Остановив такси и велев водителю гнать по полной, он уже через четверть часа вбегал на перрон Павелецкого вокзала, выискивая взглядом вдоль готового к отправлению поезда на Саратов Серёгу Молодцова. Тот сам кинулся навстречу из толпы уезжающих и провожающих. Лицо парня было залито слезами. Нормально говорить, всхлипывая и икая, он не мог.

– Что случилось, дорогой мой человечек? Кто тебя обидел? Разорву на части!

– Олеську...

– Что Олеську?

– М-м-мо...

– Моськин?

– Д-да.

Александр Иванович, – это было видно даже в сумерках, – побелел от гнева:

– Где эта мразь?!

– В-в-в оф-фисе, н-наверно...

– Убью! – сквозь поспешно расступаящуюся под его свирепым взглядом толпу Георгица тут же рванул бегом по адресу наиболее вероятного пребывания в настоящий момент Владилена Владиленовича Моськина – в офис Салона восточной медицины.

Из рассказа Сергея Молодцова:

«Как только наш доблестный ветеран морской пехоты с видом разъяренного льва умчался однозначно убивать гада Моськина-старшего и, стопудово, не только младшего тоже, но и всех их подручных, кто попадётся под горячую руку, мой отъезд в родные саратовские пенаты тут же отодвинулся на второй план, даже при всём том, что я успел лютой ненавистью возненавидеть и решил как можно скорее и навсегда покинуть когда-то желанную для меня и таких как я, но на самом деле такую злую Москву, сотворяющую надругательства над чистейшими божьими созданиями вроде нашей Олеськи и над их святой благородной любовью.

Я забрал из вагона свои вещи и бросился вслед за Александром Ивановичем, догнать которого, конечно, не сумел. Он как испарился. Отдав первому же таксисту-шкуродёру денег столько, сколько он запросил, поскольку торговаться было некогда, я помчался в офис нашего Салона. И застал там как раз тот момент, когда грозный подполковник яростно крушил и громил кабинет Владилена Моськина.

Оба брата валялись на полу: старший без движения с безобразно вывороченной челюстью, а младший, Вова – с окровавленной башкой пытался куда-то уползать, но тяжёлые пинки Александра Ивановича раз за разом отбрасывали его к середине комнаты. Кровь и слюни-сопли обрызгивали всё вокруг. Бр-р!.. не хотел бы я в те минуты иметь фамилию Моськин...

Досталось под горячую морпеховскую руку, как я и предполагал, кое-кому из команды Моськиных тоже. Например – подвернувшись на свою голову Тарасу-Поросёнку, который дико взвизгнул, когда его попутно пнул Александр Иванович, и, несмотря на всю свою полноту, сверхпроворно, как мартышка по стволу пальмы, вскарабкался на самый верх большого книжного шкафа и сидел там, крупно дрожа и мелко крестясь – ...

– Серёж... – отвлекла меня вдруг от захватывающего зрелища подзывавшая к себе одна из офисных девчонок-дистрибьюторш. – Ты можешь немного отвлечь своего друга-вояку от этих жирных тварей? Тут такое...

– Какое такое? Подожди ты! – отмахнулся я было, чтобы не мешали созерцать радующую картину возмездия. Не каждый день бесплатно увидишь подобное светопреставление. Хотелось запомнить получше – наверняка в будущих театральных и кинопостановках пригодится...

Но девчонка оказалась настырной:

– Вон, посмотри-ка!..

Глянул я туда, куда она указывала рукой. Из глухой складской комнаты в полутёмной глубине коридора вышмыгнули и, воровато оглядываясь, направлялись скорыми шагами к выходу двое бритых наголо, с мускулистыми фигурами «качков», хоть и тупоглазой бычьей внешности, но добротно, дорого одетых – стопроцентных бандитов, которые в мирной обстановке вполне могли бы сойти, да наверняка под этим соусом и проникли сюда в Салон, за обычных повседневных клиентов-пациентов, от нечего делать и от избытка денег балующихся разнообразными методиками поправки здоровья, в том числе программами снижения веса. В мирной, но... не сейчас. Сергея Молодцова, братицы, на мякине не проведёшь! Я лажу²⁵ всякую за километр вижу. Да и девчонки, судя по испуганно-озабоченным их лицам, наверняка видели и знают больше, чем успели сообщить.

Окликнутый мною по просьбе девчат бушующий Александр Иванович неохотно оставил в покое уже еле ползавшего по кабинетному паркету Моськина -младшего и вышел в коридор. Я взглядом указал ему на предполагаемых бандитов. Он тут же перегородил им дорогу и тоном, не обещающим ничего хорошего, но без немедленного рукоприкладства, спросил:

– Куда и откуда крутые бойцы невидимого фронта изволят такой трусцой направляться, как украли что-то?

«Крутые бойцы», видимо трезво оценив невеликие свои

²⁵ Лажа – обман, враньё, халтура и т.п. (жарг.)

шансы в силовом

споре с этим опасным, куда более крупным и мускулистым чем они сами, дядькой, напоминающим своей внешнестью героев захватывающих импортных фильмов-боевиков – что-то между Рэмбо и Терминатором, постарались ретироваться по возможности бескровно, что им, в общем-то, удалось:

– Мы, брат, пришли на диагностику к доктору Моськину, Владилену Владиленовичу... но пока он обслуживал других людей, мы зашли, вон, на

склад, препараты посмотрели, поизучали... Ничего, кошерная²⁶ продукция, будем оздоравливаться...

И, улучив какую-то секунду, или даже её долю, когда Георгица, осматриваясь между делом вокруг «арены военных действий», отвёл взгляд от их лиц, настолько выразительно зыркнули глаза в глаза на стоявших рядом девчонок, что те онемели от страха и, как мне показалось, намертво забыли, зачем вели нас за минуту до этого по коридору. А Александр Иванович, похоже не желяя тратить дальие время на хоть и подозрительных в чём-то, но трусоватых для серьёзной драки «быков»-пациентов, продолжил свой путь дальие, небрежно бросив в их сторону:

– Боюсь, доктор Моськин вас сегодня уже не сможет принять. Он заболел и, скорее всего, надолго.

«Быки», наверное, от радости, что обоилось без руко-

²⁶ Кошерность – один из высочайших в мире стандартов качества продукта

пашной, ещё поспешнее, чем вначале, направились к выходу, а мы, заглядывая по пути мельком в каждую комнату, почти бегом домчались до конца коридора и вошли в последнюю дверь. В «предбаннике» складской комнаты, куда вела эта дверь с небольшим тамбуром, свет почему-то был выключен, хотя, ввиду того, что окон в ней не было, он обычно горел всегда.

Подполкан Александр Иванович, обогнав даже меня и войдя первым, запнулся в темноте обо что-то мягкое, а я, налетев сзади на него, чуть не шмякнулся со всего размаху на пол, поскользнувшись на большой луже какой-то липкой жидкости. Пошарив по стене рукой и нащупав выключатель, я включил свет. И – не поверил своим глазам. На полу в этой самой луже, оказавшейся кровью, лежали без сознания лицом вниз вы, Андрей Петрович. Можно было, конечно, подумать, что это Андрей Яковлевич – очень уж похожи вы друг на друга...

– А с тыла и вовсе не различишь, кто есть кто, – вмешался и тут же вежливо замолк под умоляющим взглядом Сергея Георгица, не нарушая больше заданную тональность изложения событий своего артистичного младшего друга.

– Так вот... значит... хоть вас с Яковлевичем со спины и родные матери могли бы не отличить друг от друга, уж я-то сразу узнал вас по рубашке, которую мы вместе незадолго до этого покупали на рынке в Лужниках. У Яковлевича та-

кой нет, поскольку на «Луже»²⁷, как и на базарах вообще, он не отоваривается, а в магазинной торговле именно такую рубаху сыскать трудно, поскольку мелкооптовая партия их откуда-то из Белоруссии была ограниченная. А этой конкретной расцветки и вовсе одна оставалась, даже мне не досталось – уступил вам как другу.

Короче, впоследствии выяснилось, что вас и на самом деле перепутали охотившиеся, оказывается, и вправду за Яковлевичем нападавшие. Только сзади и умеют бить, сволочи.

– Петрович! – в отчаянии заорал я, как только убедился, что это именно вы лежите без чувств передо мной, а гвардеец наш, Александр Иванович, уже мчался, сметая всё на своём пути, вслед за теми бандюгами. Но тех и след простыл.

Не дожидаясь вызванной «скорой помощи», которая неизвестно когда придет, если вообще успеет приехать к вам живому, я остановил на улице машину, отдал водителю все свои остававшиеся деньги, мы с Георгией перенесли в неё вас и поехали в ближайшую больницу, какая попадётся по дороге. И первая же больница отказала нам в приёме раненного, как только мы показали врачам найденный в ваших, Андрей Петрович, карманах паспорт с иногородней пропиской. Отказали наотрез, несмотря на беспомощное ваше со-

²⁷ Обиходное жаргонное название оптового вещевого рынка на территории стадиона «Лужники» в Москве

стояние, и невзирая на то, что вы теоретически могли умереть в любую минуту. Точно так же отказали нам с вами в приёме и в следующей больнице, и в третьей... В третьей, правда, намекнули, что, может быть, они и взяли бы вас, оказали бы необходимую помощь, но на лечение «чужих», то есть «всяческих понаехавших тут», средства больницы государством якобы не выделяются. Вот если кто-то неофициально, тихо, чтобы никто не знал, возьмёт на себя затраты по лечению отдельно взятого приезжего лица, тогда может быть...

При этих словах Александр Иванович напрягся так, что не будь здесь меня, он убил бы говорившего человека в белом халате как таракана. Я изо всех сил сжал его руку, уже сконцентрировавшись в кулак для мощного удара, и шепнул в ухо:

– На нас с вами – жизнь друга, с этим дерьмом от Минздрава потом разберёмся... У вас деньги есть? А то я свои наличные на частных извозчиков-таксистов спустил – по пути с вокзала до офиса, и с офиса – предоплатой за эту езду с раненым Петровичем по больницам.

Тот, взяв себя в руки, пожал плечами – денег не было не то чтобы на взятку врачам, но, кажется, и на сегодняшние хлеб-воду. Положеньище...

В страхе за жизнь вашу, Андрей Петрович, мы с Георгией, не тратя времени даже на то, чтобы обматерить как следует нарушителей священной клятвы Гиппократова, веле-

ли нанятому нами водителю-бомбиле бегом рулить прямо в святая святых отечественной скорой медицинской помощи – знаменитый Склиф, как нашу последнюю надежду. Благо, находится он в центральной части города, не надо далеко ехать. И там – хоть умереть самим, но добиться вашего спасения. К великому нашему удивлению, именно здесь, в известном всей стране, а может и всему миру институте Склифосовского проблем не возникло. Без какого-либо вымогательства и без малейших задержек вас приняли, и прямоком – в реанимацию. И вот вы благополучно выздоравливаете здесь, в этой очень

даже неплохой палате.

Да, чуть не забыл самое интересное. Когда мы, увозя вас, раненного, только-только отъехали из офиса, я оглянулся и обалдел от увиденного в заднее окно машины. Отозвавшись на мой вскрик, сразу вслед за мной оглянулся и тоже обалдел наш друг Александр Иванович Георгица. К офису в сопровождении милицейской машины с мигалкой подлетел на приличной скорости специфический такой автобус с затемнёнными окнами, и из него начали выскакивать, частью оставаясь по сторонам у входа в позиции «к бою!», частью ворвавшись в здание люди в камуфляже, масках, касках и бронжилетах. А из милицейской машины в сопровождении таких же пятнистых, но без касок и масок вышел и направился без опаски в офис... как вы думаете, кто?.. Не буду томить – был это дорогой ваш тёзка Андрей Яковлевич, собствен-

ной персоной!.. оказавшийся, блин горелый, как вы думаете, кем? К вашему сведению – самым настоящим сотрудником спецслужб! Демобилизованным, правда, но настоящим. Конечно, я бы со временем всё равно его раскусил, нюх на людей у Сергея Молодцова звериный, но в тот момент это было круто даже для меня».

На этом моменте воспроизведения в памяти рассказов друзей-диетологов у Олега Алексеевича опять возникла сильная головная боль. Проглотив пару таблеток обезболивающего, он попытался уснуть. Тщетно. Дождавшись с закрытыми глазами некоторого облегчения, задумался.

Вот так, оказывается, и попал он сюда, в это лечебное учреждение: по глупейшему недоразумению, за которое обычно как минимум дисквалифицируют, а затем гонят поганой метлой со службы и лишают начисто всех званий и наград. Так обмишуриться на пике служебной и научной карьеры! Мало того, что проворонил, не сумел распознать рядом с собой профессионала-силовика, обладающего гораздо меньшим опытом оперативника, уволенного в запас тому уж как с десяток лет и действовавшего у тебя под носом без каких-либо заданий сверху, по собственной инициативе, на свой страх и риск как бунтарь-одиночка. Но, вдобавок ко всему этому, что, пожалуй, даже похуже – позволил каким-то мелким подонкам чуть не укокошить себя, любимого, среди бела дня в непосредственной близости от уймы людей. Позор!.. Хоть и сзади напали, исподтишка, да ещё и

в обстановке, когда трудно ожидать подобного – в офисе в рабочее время, притворившись обычными посетителями... всё равно стыд и позор, непростительно для старшего офицера спецслужб...

А вот самого момента нападения он пока вспомнить не мог. Кое-что прояснял, конечно, рассказ Андрея Яковлевича, своей хотя и честной, с лучшими намерениями, но по большому счёту неуместной инициативой повернувшего так резко в сторону концовку неизвестной ему, тщательно подготовленной и в точном соответствии с утверждённым планом осуществляемой спецоперации.

«Прости, Петрович, что вместо моей твоя голова оказалась пробита этими ублюдками, и не я, а ты лежишь здесь сейчас, – виновато опустив голову рассказывал Андрей-второй, – но я в жизни бы не догадался, что расклеивавший сначала бок о бок со мной листовки по городу скромный, тихий и безобидный с виду человек, а затем успешно начавший самостоятельно принимать пациентов интеллигентный, интеллектуальный дистрибьютор-лекарь, к которому сразу же потянулась клиентура как железо к магниту, один из наиболее удачливых «молодых специалистов» Салона – одного со мной, оказывается, поля ягода, да ещё и покрупче: в отличие от меня, отставника, действующий офицер. И не просто офицер, а – сотрудник одной из серьёзнейших служб. И, чую, неспроста в этой гнилой банде лжелекарей Моськиных, Доброделовых и прочих Поросят оказавшийся.

Ну, короче говоря, твой покорный слуга был совершенно уверен, что он – один такой в Салоне, кто может эту мерзостную шваль на место поставить. Убойный честный Георгица способен, конечно, переломать негодьям кости и безусловно поддержит товарища в трудный момент, не продаст однозначно, но в целом уничтожить такой, сложившийся уже, конгломерат из отребья, способного на что угодно... в общем, втравливать его в системную борьбу и подвергать по своей, как я считал, прихоти немало, а возможно и смертельному риску не хотелось. И... начал я в определённый момент действовать в одиночку. Но, не имея официальных полномочий на это, действовать мог только как бесправный энтузиаст. С вытекающей отсюда необходимостью делать своё святое, так сказать, дело негласно, тайно, безоружно даже в крайних ситуациях. А это сложно... и пошёл я в органы искать, кому можно было бы довериться, и с чьей помощью разорить это осиное гнездо, а затем взяться и за системное уничтожение всего этого вреднейшего бизнеса – псевдомедицины, вред и опасность которой не столько в мошенническом изъятии крупных денежных сумм из карманов сограждан и неуплате налогов в государственную казну, сколько – в причинении зачастую непоправимого вреда здоровью этих сограждан (известны случаи даже летальных исходов в результате передозировок некоторых препаратов). Представь себе, нашёл настоящих, ещё не успевших деградировать во всей этой общей слепопере-

строечной смуте ментов, как бы ни ругали в народе это ведомство... Начали разработку... но кто мог подумать, что так всё получится. Но и меня пойми... я же искренне...

Да ещё убийство это. Как, ты не в курсе? А-а... был в курсе, да внешне не проявлял этого? То есть реагировал как все вокруг – жалко, мол, женщину, но сама, дескать, виновата: возглавляя официально всю нашу дилерскую сеть «древнекитайскую» и имея сумасшедшие деньги, не сумела обеспечить себе элементарную физическую безопасность от заурядных уличных грабителей? Пожадничала на охрану? А если это не спонтанное ограбление с убийством в тёмном подьезде дамы в дорогой шубе и бриллиантах? И даже не грабёж вообще, а инсценированная под него ликвидация?..

В общем, в любом случае органам нужно было принимать меры к раскрытию данного преступления в законные сроки, по каким бы причинам оно ни было совершено. В число оперативно-следственных мероприятий совершенно естественно была включена проработка всех известных офисов наподобие нашего. Поэтому, рано или поздно всё равно пришли бы в наш Салон на Цветной бульвар. Вот, я и постарался принять меры, чтобы к нам наведались в первую очередь. Тем более что у милицейских оперативников скопилось, не без моей, разумеется, помощи достаточно информации для силового воздействия. Офис взяли в тот момент, когда кое-кто из бандитов, связанных с братьями Моськиными, должен был находиться там, в том числе и для очередного изъ-

ятия скопленных для общака²⁸ денег, и для физической расправы не с кем иным, как опять же с твоим покорным слугой (что расправа такая готовилась, оперативникам было известно).

Да обознались бандюги: вместо меня на тебя исподтишка сзади напали, когда ты по какой-то надобности в складском отсеке находился. А кладовищица и бухгалтерша, давно сотрудничавшие с криминалом, отсутствовали в тот момент на своих рабочих местах по указанию бандитов, переданному через Моськиных. Но, и без того работа этих дамочек, то есть отпуск дорогостоящих до дикости препаратов клиентуре без кассовых аппаратов, вчёрную – тоже повод для интереса к ним со стороны правоохранительных органов.

А меня эти мерзавцы приговорили, как верно заметил наш юный друг Серёга и как показали дальнейшие события, совершенно конкретно. Во-первых, опознал меня тот устроивший скандал на приёме у Моськина криминальный пахан, сидевший с ним когда-то на Колыме, и принимали они меня с тех пор безусловно за специально засланного органами «казачка», а посему подлежащего безоговорочному уничтожению. Вот так... А оказался на моём месте ты... внешняя похожесть, она, брат, иногда вон какие подарочки

²⁸ Общак – своеобразная касса (фонд) взаимопомощи в преступных сообществах, пополняемая как из добровольных индивидуальных или групповых взносов представителей криминалитета, так и за счёт незаконных принудительных поборов с легально работающих бизнесменов

преподносит. Не всегда и выживешь в их результате...»

Как и у сестры Марины, короче, чем остальные рассказы, но сильнее

других хватающим за душу и самым, пожалуй, горько-печальным, вызвавшим у Олега Алексеевича эмоции более даже гневные, нежели нападение из-за спины лично на него, из всего поведенного ему друзьями-«коллегами» по древнекитайскому целительскому бизнес-ремеслу был рассказ юной украинки Олеси:

«Жить после всего происшедшего я уже не хочу, хоть говорят, что ещё и не начинала... держусь только за ради Лёшеньки моего, чтобы помогать ему хоть как-то... пусть даже уже не в качестве невесты (звания невесты я с некоторых пор недостойна), а пусть даже незаметно, тайком, не от своего имени, со стороны...»

В тот день мне позвонила мама и сообщила, что у моего любимого, начинавшего вроде бы выздоравливать, вдруг что-то там обострилось и ему срочно нужна сложная платная операция, иначе он вряд ли уже сможет ходить, если не случится ещё худшее. Мы с Мариной в панике побежали искать деньги, но никто из знакомых лидеров-дистрибьюторов не дал ни копейки. Без вопросов выручил бы Антошка Дроботов, с которым мы к тому времени успели сдружиться и были как свои, но его ни с того, ни с сего вдруг забрали в милицию. По каким обвинениям – мы тогда не знали, но подозревали, что это дело рук братьев Моськиных.

Неожиданно меня подозвал Моськин Владилен и сказал, что в одном месте ему должны отдать большую сумму денег, и если я не возражаю, то могла бы съездить с ним за этими деньгами прямо сейчас. А верну, когда смогу. Сломая голову, не успев ничего сказать даже Марине, я побежала с ним на улицу, мы сели в такси и приехали на какую-то квартиру, где в это время никого не было. Там Моськин вынул из тумбочки пачку долларов, отделил от неё примерно треть, не считая всунул в мою сумочку и тут же всей своей тушей навалился на меня. Задыхаясь от этой ужасной тяжести, страха и смрада из его вонючего рта, я пыталась кричать. Но когда он со злостью прошипел, что подохнет же твой жешишок без этих денег, дура, я в ужасе от подобной перспективы больше не могла сопротивляться... Какое-то тупое безразличие к себе самой овладело мною, одна только мысль свербила в мозгу – спасти любимого Лёшку...

Навестить его врачи разрешили мне только после операции. Открыв глаза, но ещё не совсем, видимо, придя в себя, поскольку говорить пока не мог, Лёша как никогда серьёзно и, как мне показалось, с пробудившейся в нём взрослой мудростью посмотрел внимательно так на меня, потом на приехавшую из Москвы и пришедшую со мной в больницу Маринку (лучше бы она не приезжала!), захлёбывающуюся слезами и переводящую страдальческий взгляд то на Алексея, то на меня. Затем, сосредоточившись на моём лице, он напрягся. Взгляд его сделался каким-то отрешённым.

Без сомнения, он что-то понял, или... почувствовал... а когда вдруг задёргался и что-то замычал с появившимися на глазах слезами, я выдержать такого не смогла, упала в обморок.

Ну, скажите, Андрей Петрович, достойна ли я пойти под венец, не сохранив для любимого главное – свою девичью честь? Ведь если бы Лёшеньке моему дали возможность выбирать, он наверняка предпочёл бы остаться калекой, чем позволить своей невесте обеспечить его выздоровление таким способом.

Есть ли смысл такой невесте жить после этого?..»

XIII

Олег Алексеевич ещё и ещё раз прокручивал в памяти рассказы ребят-дистрибьюторов, выстраивая их в логически стройную «историю болезни Салона восточной медицины», историю финальной части этой болезни с летальным, согласно профессиональной терминологии, исходом.

Слёзы наворачивались на глаза при воспоминании о словах Олеськи «жить не хочу», и сломанные челюсти с выбитыми зубами, помятые рёбра братьев-стервцов Моськиных – не слишком ли лёгкая для них расплата за содеянное. Конечно, этим не обойдется – материалов для привлечения обоих к уголовной ответственности собрано предостаточно, санкции на арест имеются, оба препровождены в камеры следственного изолятора. Но... будет ли наказание эквивалент-

но преступлению? В данном случае справедливость должна, просто обязана восторжествовать.

Словно в поддержку мыслей Олега Алексеевича в приоткрывшуюся дверь палаты заглянуло лицо его «дважды коллеги» Андрея Яковлевича:

– Петрович, тут тебе запечатанная записка. Я всё сделал, как ты просил, меня приняли сразу же, а на следующий день передали это.

– Спасибо, Андрюх! А ты один, что ли, сегодня?

– Наши собираются чуть позже, и я с ними вместе приду, как будто так и должно быть. Просто я решил, что передавать конфиденциальный пакет при всех было бы не совсем правильным, вот и заглянул отдельно. Ну, давай, я побежал, скоро увидимся.

Дверь тихо захлопнулась, и Ельников, с нетерпением вскрыв пакет, начал жадно читать.

«Для начала, Олег, поздравляю тебя с успешным, за некоторыми досадными шероховатостями, завершением твоей первой «экскурсии». Отчёт закончишь спокойно после выписки из Склифа, для чего желаю тебе скорейшего выздоровления. По понятным, надеюсь, причинам ни мы, ни кто-либо из членов твоей семьи, с нетерпением ждущей любимого мужа и отца из очередной «научной командировки», навестить тебя в больничной атмосфере не можем, поэтому довольствуйся пока этой писулькой.

Во-вторых, поздравляю тебя с присвоением очередного

воинского звания «полковник». По так же понятным тебе причинам копию приказа об этом прислать не могу. Довольствуйся словами, если веришь старику. А увидишь подлинник, тогда и «обмоем» звёздочки, как положено.

Вот видишь, поздравление за поздравлением в такой короткой записке. Надеюсь, в ближайшее время будет ещё одно – с успешной защитой докторской. Но, тьфу-тьфу, не сглазить бы, молчу, молчу. Однако, не обольщайся, товарищ уже полковник – не только улыбки начальства ждуют тебя. На «разборе полётов» будет, за что пожурить полусостоявшегося «древнекитайского доктора»... А в целом – нормально. Ещё раз наискорейшего выздоровления тебе. Жму руку, Алексей.»

XIV

– Товарищ генерал-лейтенант, полковник Ельников по вашему приказанию прибыл! – чётко отчеканил Олег Алексеевич, переступив порог просторного, но без вычурности, строго обставленного кабинета с портретом президента страны на видном месте.

– Вольно, вольно... расслабься. Здравствуй, дорогой! – обнял Ельникова шагнувший навстречу сослуживец-начальник и старый друг Алексей Александрович Серёгин. – Я специально вызвал, вернее, пригласил тебя, – ты ведь пока ещё на больничном, – на полчаса раньше обозначенного прихода сюда того, знакомого тебе, нашего куратора программы,

Анатолия Анатольевича. Помнишь? Это чтобы успеть поболтать по-дружески, обменяться впечатлениями, не напрягаясь присутствием высокого начальства.

– Такой же Анатолий Анатольевич этот наш куратор, как мы с тобой Фома и Ерёма...

– Ты, Олежка, всё та же язва – это, конечно, хорошо, пороку, значит, пока достаточно... Но не переязви когда-нибудь сдуру, знай меру. Мало ли...

Серёгин поднял глаза кверху и изобразил рукой, будто подносит ею телефонную трубку к уху, а другой постучал себя по лбу, что должно было бы означать «ты что, совсем форму потерял, пока в больнице валялся, не понимаешь, что всё здесь насквозь прослушивается, и наш «Анатолий Анатольевич» наверняка в настоящий момент этим как раз и занимается, готовясь к живому разговору».

Ельников же, отмахнувшись, брезгливо поморщился

– И с каких это пор ты, Лёха, так осторожничать начал?

– Не твоё дело! А, впрочем... скажу. Боюсь я расплодившихся у нас, как и в других ведомствах, молодых карьеристов, которые стремятся занять твоё

место, используя любую твою оплошность, неосторожно сказанное слово...

– Так боишься за своё кресло? Не разочаровывай меня, Алексей.

– Да не за место душа болит, а за дело. Угробят ведь, примитивизируют... фу-у, еле выговорил... почти не осталось

нынче той нашей идеологической закалки, которой мы пока ещё гордимся. Вместе со стариками уходит на пенсию и она, родная. Не только в нашей, смею утверждать, сферах... Только не воспринимай, пожалуйста, эти мои всхлипы за извечное стариковское брюзжание о падении нравов.

– Нам с тобой до стариковства ещё далеко.

– Я о смысле, а не о возрасте. Хотя на моё, например, кресло метит человек моложе меня почти вдвое.

– Невероятно...

– Сегодня у нас всё вероятно, оглянись вокруг!

– Понятно, дальше можешь не объяснять.

– Ну, ладно, поскулили и забыли... Рассказывай, давай, я так ждал этой минуты.

– Многовато у меня рассказывать, Алексей, времени до прихода сюда Анатолия Анатольевича точно не хватит. Ты уж лучше задай ряд наводящих вопросов в общих контурах, а в подробностях потом, позже изложу. Наверняка не одним махом, а в несколько этапов. Кроме того, достаточно подробно всё, что надо изложено и в служебном рапорте, и в отчёте для правительства через Анатолия Анатольевича.

– Хорошо, пусть будет так. Тогда, для начала, скажи, Олег, вот на примере той большой группы приезжих провинциалов, что пошла по «гербалайфовским» сетевым маркетинговым путям-дорожкам, сильно ли деградировало массовое сознание нашего народа за перестроечные годы? Я спрашиваю без разграничения на российских и других, а в общем, усред-

нённо в отношении народных масс всего бывшего СССР.

– Я бы не стал так ставить вопрос, Алексей. Не с луны ведь свалились все эти подонки, для которых нет ничего святого. И не вдруг множество людей превратились из законопослушных граждан в злостных правонарушителей. Скорее следует говорить об обнажении в результате Перестройки восемьдесят пятого года некоторых язв нашего общества, существовавших и вызревавших всю советскую историю, и даже ранее.

– Например?

– Ну, например, братья Моськины, о чём я писал в предварительных тезисах к большому отчёту. Как были они при советской власти мерзавцами, преступниками, далёкими от общественных интересов, да ещё и неоднократно судимыми, так ими и остались после её падения, войдя в перестроечную экономику уже открыто-хищнически, а не с прежней установкой «тайком-подпольно». Немало людей и в советские времена были богатыми, соответственно своему богатству наслаждались жизнью, но – тайно, украдкой. А теперь это можно делать открыто. Многие воровали, убивали, насиловали, и сидели за это в тюрьмах. А многие не делали всего этого, но не отказались бы, и делали бы, кабы не боялись этой тюрьмы. Перепутав же объявленную Перестройкой свободу со вседозволенностью, очень, очень многие перешли грань разумного...

– То есть горбачёвский лозунг о новом мышлении²⁹ Моськиным и иже

ними не понадобился, чтобы взять его на вооружение?

– Для них это новое – не забытое старое, как и для миллионов близких им по духу. А вот взять, например, бывшего подполковника морской пехоты Александра Ивановича Георгицу, так он и был, и остался приличным человеком. Эталон защитника Родины, какие бы политические и экономические катаклизмы ни сотрясали её, многострадальную. В эту помойку – Салон восточной медицины, попал случайно, в поисках нормальной работы с достойным заработком, не найдя таковой у себя дома в Молдавии после демобилизации из армии. И, раскусив суть этого Салона, ушёл оттуда, ещё и крепко поколотив на прощание его хозяев. Такого не

своротишь никакими тёмными деньгами, хоть в мульти-миллионных суммах.

– Выходит, качественных изменений во взглядах и поведении наших соотечественников не произошло? Кто каким был, тот в целом таким и соатлся? И ты берёшься это утверждать?

– Нет, Алексей, вот этого как раз я утверждать не буду. Возьмём хотя бы того же интересного во многих отношениях персонажа – Антона Дроботова. Такой же, как и Георгица,

²⁹ Курс на обновление, раскрепощение общественного сознания, объявленный на «перестроечном» XXVII съезде Коммунистической партии Советского Союза в апреле 1985 г. её генеральным секретарём Михаилом Горбачёвым

кадровый офицер, разве что званием пониже, с настоящим стержнем в характере и мышлении, сохранившимся, поверь, и сегодня, несмотря на некоторые метаморфозы в личных жизненных обстоятельствах. Служил отлично, да демобилизован был, как тысячи и тысячи его сослуживцев, по сокращению в духе той же непродуманной перестройки. Пошёл в бизнес, потерпел в нём крушение и, спасая себя и семью от нанятых инвесторами бандитов, при этом не отказываясь погасить возникшие финансовые задолженности, подался в столичную авантюренность. Но, заметь, не пошёл в прямой криминал, где быстрее всего можно было бы решить денежные проблемы, а выбрал наиболее безобидный, если можно так выразиться, метод «честного отъёма больших денег у богатых и сверхбогатых москвичей и гостей столицы», ибо малоимущие граждане дорогостоящими услугами «древнекитайских» салонов не пользуются. То есть к грабежу простого трудового народа Дроботов никак не причастен. Но и по отношению к богатым (добывающим, кстати, свои большие денежки чаще всего путями, далёкими от праведных), в отличие от своих коллег по бизнесу бесстыжих братьев Моськиных, применял он исключительно безвредные, и даже полезные, действительно настоящие, элитные травяные препараты, используемые королями и президентами. Не скрою, вынужден был Антон ради спасительного заработка мошенничать, назначая пациентам-богатеям лошадиные дозы по баснословным расценкам, а также обманывая при взаиморас-

чѐтах своих нижестоящих дистрибьюторов и расклейщиков листовок, но, ещё раз повторяю, не во вред прямой безопасности общества. И других к этому призывал, имеется в виду «не во вред», то есть «не навреди». Эксперты подтверждают: доза приѐма препаратов реального китайского учёного-травника доктора Ли, поскольку они относятся к пищевым, а не лекарственным, не имеет решающего значения. А Дроботов пользовал своих пациентов только этими препаратами, и никакими другими.

– То есть данный субъект – Дроботов если не полезен в настоящее время обществу, но и относительно безвреден, то есть серединка-наполовинку, и при благоприятных условиях мог бы ещё неплохо послужить Родине?..

– Здравствуйте, товарищи! – прервал беседу генерала и полковника вошедший без стука в кабинет тот самый интеллигентный, доброжелательно улыбающийся, безупречной внешности «генерал в штатском», велевший во время первой встречи с Олегом Алексеевичем называть его «просто Анатолием Анатольевичем».

– Здравия желаем! – вскочили со своих мест собеседники, не знающие точного звания этого генерала, поэтому и ограничившиеся лишь первой половиной уставного приветствия.

– Поздравляю вас, товарищ полковник, и с присвоением очередного воинского звания, и с успешным выполнением, судя по прочитанным нами тезисам вашего многообещающего отчёта, служебного задания! Поправлюсь – первой ча-

сти задания...

Упреждая разочарование новоиспечённого полковника, Анатолий Анатольевич многозначительно, как и во время первой их встречи, кинул краткий взгляд к потолку:

– В силу той же успешности, руководству нашего государства задание ваше интересно было бы продлить.

При всей многозначительности взгляда и поправки к краткому поздравлению генералу в штатском полностью загасить обеспокоенность героя дня не удалось. Так и есть, вскользь озвученное когда-то Серёгиным на уровне предположения продолжение эпопеи с внедрением в мигрантские круги – объективная реальность, и никуда от этого не денешься. Плакала скорая защита докторской, если придётся отправляться куда-то

немедленно...

Совсем немного, всего лишь в рамках приличия при разговоре со столь высоким начальством, но всё же приупавшим голосом Олег Алексеевич как можно спокойнее внешне попытался осведомиться:

– А... диссертация?

– Мы навели справки, – невозмутимо продолжал Анатолий Анатольевич. – К вашей её предварительной защите Учёный совет университета готов. По единодушному мнению председателя и членов совета, поработали вы над ней прекрасно.

– Спасибо, тов...

– Да Анатолий Анатольевич же я... – точь-в-точь с такой же, как в первый раз, мягкой улыбкой поправил точно так же, как тогда, волнующегося Олега Алексеевича генерал.

– Да-да, извините, Анатолий Анатольевич. Ещё раз спасибо, так сказать...

– Спасибо пусть будет потом, при получении заслуженных наград, которые, как я полагаю, в вашей судьбе ещё будут. Это кроме той, разумеется, которая ждёт вот-вот. А теперь, прошу прощения, вынужден прервать приятное общение с вами – пора на очередное рабочее мероприятие. Всего доброго!

XV

– Ну, что я тебе говорил перед этой твоей командировкой-погружением?

– усмехнулся, доставая из замаскированного в громадном, во всю стену, книжном шкафу бара-холодильника бутылку коньяка, бокалы, лёгкую закуску генерал Серёгин. – Как в воду, получается, глядел.

– Хитришь ты, Алексей Александрович, – с сомнением покачал головой Ельников. – А ну-ка, наливай, да выкладывай, что за операцию разработал для меня опять. Как и предполагал – пресса, журналистика?

– Ну, конечно! Что ещё более подходящее можно было придумать к

настоящему моменту, когда над общественным сознани-

ем творится такое измывательство, какое иначе, чем идеологической диверсией и назвать трудно?

– Диссертацию, как не столько обещает, сколько дипломатично предполагает наш мудрый наставник-куратор Анатолий Анатольевич, я успею защитить до этого своего этого исчезновения на неопределённое время?

– А ты никуда и не исчезаешь. Сразу здесь, дома, в Москве будешь «погружаться», без всяких предварительных командировок, да ещё и под тем же, ставшим тебе, надеюсь, уже как родным, псевдонимом. Псевдоним делу не помеха, а даже в пользу, так как согласно роду твоей службы настоящее твоё имя широкой публике неизвестно, разве что нашему управлению кадров да твоим друзьям детства и ранней молодости, которые в лицо на улице скорее всего не опознают, если сам целоваться не полезешь, а под этим псевдонимом тебя уже знает немало людей, как среди богатых бывших пациентов, являющихся реальными представителями нужных тебе теперь деловых кругов, так и среди связанных с твоей недавней деятельностью разных жуликов, встречи с которыми теоретически весьма возможны. Так что, вполне сойдёшь за того, кого надо. А если, случайно, наткнёшься ещё и совсем уж на кого-то из близких коллег по прохиндейскому древнекитайскому бизнесу, то уж в их-то понимании ты под твоим этим псевдонимом не только реальная, но и почти героическая фигура – меньше года в Москве, а уже сумел полностью легализоваться, заделаться «коренным» в первом

поколении москвичом, то есть приобрести, хоть и в кредит, собственное жильё и прописаться в нём, а после небольшого косметического ремонта и переселишься из съёмной квартиры. Это – символ успеха приезжего, и люди данной категории ещё больше к тебе потянутся.

– Так, может, вы уже и работёнку мне подыскать успели, чтобы самому не утруждаться?

– А как же! Наметили тут одну газеточку, неплохо раскрутившуюся на

благодатной и актуальной для пресс-жулья рекламно-мошеннической почве. Учредители её подыскивают грамотного, работающего, желательно солидной интеллигентной внешности бесправного приезжего человечка на место «зиц-председателя», то есть подставного директора, умеющего организовать рабочий процесс, но при этом не наделённого ни правом подписи финансовых документов, ни правом прикасаться к кассе фирмы вообще, без печати в руках и без каких-либо иных юридических и прочих полномочий.

– Именно приезжего? Предыдущий тоже таковым был?

– Точно так. Предыдущего выгнали по отработанной методике – человек приезжий, если он прибыл в Москву на заработки как обыкновенный гражданин, самостоятельно, без знакомств и связей, начинает ради наработки какого-то внешнего статуса вкалывать где получится, в том числе и на подобные этой шайки, как ломовая лошадь, получая, как в данном случае, свой небольшой процент от подтянутых

им в кассу этой шайки денежных поступлений. В качестве дополнительной нагрузки, а скорее как условие получения этой «статусной» должности, в этой, например, редакции его заставляют ходить по различным массовым мероприятиям вроде пресс-конференций, выставок, писать репортажи с них, разные другие материалы для заполняемости газеты «живой» журналистской продукцией.

– А трудоустройство хоть легитимное, по трудовой книжке?

– Куда там! Рано или поздно от большинства таких псевдодиректоров начинают поступать в требовательной форме вопросы, а не узаконить ли администрации газеты с ним трудовые отношения. Тут «бузотёра» и выталкивают взащей, а на его место находят следующего, благо столица кишит приезжей рабочей силой на любой вкус и цвет.

– Ну, а если взбунтуется какой-то гордец, и не захочет сам уходить?

– Элементарно перестают платить заработанные деньги, и человек сам уходит. А в случае буйства – у учредителей всегда под рукой ангажированные силовики в милицейской форме или без неё, с бритыми головами. Утихомирят приезжего вмиг...

– Как называется издание?

– «Мастер».

– Дело, значит, мастера боится? А оно, издание, отраслевое какое-нибудь, или общей направленности?

– Отраслевое строительное.

– А примут меня?

– Ты уже порекомендован кое-кем из хороших знакомых основного, крупнейшего из учредителей. Этому знакомому тот верит безоговорочно.

– Главная цель моей работы в данном издании и ориентировочные сроки? Ведь, как я понимаю, это – проходной, промежуточный этап для подготовки к чему-то более серьёзному. А то слишком уж мелкий плацдарм для стратегического исследования.

– Правильно понимаешь, Олег. Работа в этой жалкой, но финансово вполне успешной для её уровня газетёнке – лишь подготовительная площадка, учебный класс для прохождения тобой так называемого «курса молодого бойца». Ты должен по возможности скоро подготовиться к основной работе – организации и управлению новым, с нуля, изданием, ни названия, ни конкретной ниши для которого ещё не определено. Определить, как считает наше с тобой начальство, ты должен сам.

– Что ж, спасибо за доверие...

– Не ухмыляйся, тебе действительно доверяют. На тебя рассчитывают, ты даже не подозреваешь, как.

– Ну, хватит, а то сейчас слеза прошибёт... скажи лучше, финансы на это новое, с нуля...

– Не твоя вообще-то должна быть эта забота, но чтобы всё было, как у нас в подобных операциях принято, по-на-

стоящему, на тебя она всё-таки ляжет. Есть один амбициозный до болезненности бизнесмен-нувориш. Мишей зовут, Михал Михалычем. Вот за его обработку и возьмёшься попутно с адаптацией в газете «Мастер», с которой он, кстати, время от времени входит в рабочие контакты, рекламирует через неё свою продукцию, даёт интервью на актуальные для него темы, в общем пиарится понемногу. Как новый руководитель познакомишься с ним, посвятишь его фирме пару-тройку высокосодежательных, красиво написанных материалов скрыто-рекламного содержания если и не задаром, то за самую умеренную плату. Постепенно ненавязчиво втемяшишь в его голову блестящую идею стать знаменитым медиа-магнатом, единоличным владельцем для начала одного собственного яркого издания желательно федерального уровня, способного со временем не только прославить владельца, но и приносить сверхприбыли.

– Насколько он контактен?

– Тебе помогут познакомиться с ним, не волнуйся, да так, что инициатива будет исходить от него самого.

– Хорошо бы. Но нельзя же заикливаться на чём-то одном. Мало ли что с кем может произойти. Есть альтернативы тому и другому, то есть газете «Мастер» и этому конкретному нуворишу?

– А то мы маленькие... издаваешься?

– Ладно, принято. Защищаюсь на Учёном совете, и...

– Нет уж, сначала «и», а по ходу двигаешь свою доктор-

скую, никуда она не убежит.

– Бл... Но хоть отпуск отгулять дадите?

– Хватит с тебя больничного. А то разжиреешь, чего доброго, форму потеряешь.

– И что вы за люди, товарищи генералы! Хорошо, тогда у меня к вам просьба: помогите Дроботову.

– Да на свободе твой Антон, не переживай!

– Без тебя знаю, что на свободе. Я имею в виду в остальном...

– Моськины под стражей...

– И это я без тебя знаю!

– Да успокойся, что ты нервничаешь?.. В общем, слушай.

Следствие в разгаре, и сроки этим негодьям светят, в который уже раз в их сволочной жизни, немалые. Ведь к убийству главной российской дилерши вашего уважаемого китайца доктора Ли и они, Моськины, причастны. А раскрытию этого преступления немало поспособствовал один твой друг-древнекитаец.

– Яковлевич?!

– Он самый.

– Молодчага Андрюха! А Дроботова Антона, я хоть и слышал краем уха, что отпустили, но не знаю, как – под подписку, или...

– Совсем. Сняты все обвинения, выдвинутые ему по анонимным доносам Моськина-младшего.

– Так Вовка Моськин ещё и анонимщик?

– И какой! Квалифицированнейший, с большим стажем...

– А как его раскрыли?

– Тоже с помощью твоего Андрея Яковлевича.

– Ну, Андрюха!..

– Так что, товарищ полковник, идём в журналисты?

– Куда ж деваться, если Родина зовёт... в журналисты, так в журналисты. Профессиональным писарчуком побыть очень даже интересно. За удачу?

– За удачу, Олег!

Прежде чем опрокинуть в себя по глотку коньяка, полковник и генерал одновременно достали из карманов по одинаковому с виду небольшому флакончику, вытряхнули по паре серовато-коричневых капсул, также оба одновременно кинули эти капсулы каждый себе в рот и, посмотрев друг на друга, расхохотались.

– Да-а, Алексей, – вытер слезу Ельников, – никак не ожидал увидеть тебя употребляющим препараты доктора Ли. Ну, мне простительно, как штатному её апологету, а вот к тебе-то этот флакончик с тонизирующим средством, попутно нейтрализующим в какой-то мере воздействие алкоголя на организм, как попал?

– Так и попал. Думаешь, ты один всё обо всём знаешь. Мы брат, пока ты в своём древнекитайском салоне постигал науку облапошивания денежных людей в денежном же плане, узнали много чего интересного помимо поступающей конкретно от тебя информации.

– Например?

– Например, что доктор Ли, этот известный во многих странах американец китайского происхождения – и на самом деле один из крупнейших, авторитетных в мире фармакологов. А травник вообще, какому равных нет, как и его герба-продукции по концентрации, сбалансированности в ней полезных веществ, экологичности и так далее. Богат, имеет мощные производства, достаточно плантаций в разных уголках земного шара, над которыми даже самолёты не летают – сумел выкупить такой запрет во имя идеальной чистоты произрастаемых культур. Распространяет продукцию исключительно методом сетевого маркетинга, имея отделения и филиалы во многих странах мира.

– И что ты мне нового сейчас сказал?

– А то, что не только зарубежная элита благодарна доктору Ли за хорошее самочувствие, налаженное с его помощью, а и многие наши сведущие люди. Поскольку же, как мы с тобой знаем, истинный сетевой маркетинг не предполагает ни оптовой, ни розничной торговли в классическом её виде, ни прямой рекламы в средствах массовой информации, а распространение товара происходит исключительно по методу «из рук в руки», через личные контакты с соответствующей пропагандой из уст в уста, то о каждом конкретном потребителе знает только тот, кто реализовал ему тот или иной препарат или набор препаратов. Получая эти препараты опять же из рук в руки от вышестоящего дистрибьютора. А чтобы

иметь ассортимент всегда под рукой, надо что?

– Изучить хорошенько вопрос, проникнуться, в числе прочего, и здоровым образом жизни, опробовать эффективность препаратов на себе, подписаться под вышестоящего дистрибьютора, это же ясно как день, и в нашем Салоне ежедневно происходило. Потом беспрепятственно получать продукцию на закрытом для посторонней публики складе пощадающим, несмотря на элитарность товара, ценам, с соответствующими скидками за численность подписанных тобой новых дистрибьюторов. Да я же подробно обо всём этом процессе докладывал. И что в стране есть немало добросовестных, любящих своё дело дистрибьюторов... пусть не загребаящих сумасшедшие деньги, но и себя оздоравливающих, и других со знанием дела.

– Беда только, что твои коллеги-«древнекитайцы», мать их... извратили идею и превратили доброе дело чёрт те во что. На ежегодно проводимые за счёт доктора Ли дистрибьюторские съезды ездили как герои, получали награды, а Ли этот и знать не знал, а может понимал, да по каким-то соображениям не подавал виду... что количественные показатели ими достигались...

– Начинаем повторяться, товарищ генерал. Враньё в обширнейшей рекламе, которой даже неглупые люди продолжают и сегодня верить, профанация процесса оздоровления и омоложения вперемешку действительно элитными с фальсифицированными препаратами, дикое, многократное завы-

шение цен в обход налоговой системы и так далее...

– Но ты вот сам заикнулся о порядочных, настоящих дистрибьюторах. Один из них, только не падай – моя двоюродная сестра. Отсюда и флакончик в моём кармане, который так удивил тебя. И ещё больше ты, голубчик, удивишься, если узнаешь, кто, кроме нас с тобой в нашем ведомстве, а то и повыше, помощью доктора Ли не брезгует, и выглядит благодаря этому, несмотря на сумасшедший график работы, как огурчик, минимум лет на десять-пятнадцать моложе.

– Что, и...

– Ч-ш-ш!

– Да-а...

– Ну, и, наконец, о рекламе, которой люди, увы, продолжают верить нередко слепо... Последствия этой машинальной веры ты увидел собственными глазами в ходе общения с разными Моськиными. Выходя за рамки одной темы, проблема эта серьезнейшая. И именно рекламой, в сути и сущности которой ты успел кое-что уразуметь здесь, её тщательнейшим анализом тебе придётся заняться в первую очередь на твоём новом, газетно-журнальном поприще.

– Понятно...

– Ну, что ж, тогда с Богом!